

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Для большинства
легенда о сокровищах
последних Романовых –
лишь красивая сказка,
но избранные знают:
клад существует
на самом деле...

Юлия АЛЕЙНИКОВА

Клад последних Романовых

Артефакт & Детектив

Юлия Алейникова

Клад последних Романовых

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алейникова Ю. В.

Клад последних Романовых / Ю. В. Алейникова — «Эксмо»,
2018 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-095317-2

После убийства царской семьи Романовых сохранились уникальные сокровища, которые имеют не только финансовую, но и историческую ценность... В собственной квартире зверски убиты родители Максима Панова, но за что их убили, для полиции остается загадкой. Судя по всему, убийцы что-то искали, вот только что именно, если деньги и драгоценности так и остались лежать в сейфе? Максим уверен, что полицейским не удастся отыскать тех, кто расправился с его семьей, а значит, он должен сделать это сам. Даже если придется проверять самые сомнительные версии, раскапывать историю семьи и искать сокровище, которое якобы было передано на хранение его предкам последним императором...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095317-2

© Алейникова Ю. В., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Юлия Алейникова

Клад последних Романовых

© Алейникова Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

14.01.2018.

Промысел Божий не ограждает нас от искушений. Мы все должны познавать искушения. Слаба и ненадежна жизнь, в которой их нет. Но, позволяя нам подвергнуться искушению, Бог не желает, чтобы мы совершили грех. Искушение – это не грех. Когда Бог попускает нам подвергнуться искушениям, это означает, что мы должны их преодолеть и сделаться сильнее.

*Из дневника Императрицы
Александры Федоровны*

Пролог

Евгений Степанович очень спешил. Весна наступала на Тобольск, таяли снега, началась распутица, лед на реке становился хрупок и ломок, промедление могло погубить все дело. И он решился. В одиночку, взяв взаймы у Константина Ивановича Печекоса сани, в ночь пустился в путь по реке. Он никогда не был в заброшенном ските, слышал о нем лишь от игумены, жил в нем несколько лет назад отшельник, святой человек, но помер, и с тех пор дорожка стала зарастать, забываться, а при новой власти о святом отшельнике и вовсе никто не вспомнит. А вот Евгению Степановичу, гвардии полковнику Кобылинскому, Божье заступление ох как было нужно, на него и уповал, нахлестывая коней, сперва по реке, а потом свернув у приметного утеса на берег, по лесу, по снежной целине. Хорошо хоть и в лесу снег просел после оттепелей, а по ночному морозцу схватился в крепкий наст, даже лошадиные копыта не проваливались и следа от саней почти не было видно.

Спешил Евгений Степанович исполнить свой замысел и вернуться в Тобольск, пока солдатский комитет его не хватился, – объясняйся потом, еще, не дай бог, в Уралсовет донесут, тогда и вовсе плохо будет. Не ему, нет. Ему бояться этих хамов нечего, а вот у Государя с государыней и царевен могут быть неприятности. Теперь всяк, кому не лень, на беззащитных узниках выместить злобу свою и обиду на жизнь норовит. Если его вдруг из Губернаторского дома уберут, совсем им, бедным, тяжело станет, а потому надо спешить.

И Евгений Степанович в очередной раз хлестнул кобылу, покрепче прижав к себе бесценный саквояж. В нем покоилась бережно завернутая в вату, папиросную бумагу и холстину Малая корона Ее Величества императрицы Александры Федоровны, та самая, в которой ее венчали на царство. Сверкающее имперским великолепием произведение ювелирного искусства, созданное талантливым ювелиром Карлом Ганом. Но не бриллианты были дороги опальной императрице, а память. Память о счастливейшей поре ее жизни. О величии России, ее супруга, об утраченных мечтах, о жизни, которая никогда уже не вернется.

Корону надо было спрятать особенно тщательно, так, чтобы ничья рука не коснулась ее до срока. А старый скит? Вряд ли его будут искать безбожники. Им он ни к чему.

Глава 1

7 июня 2018 г. Санкт-Петербург

Ну и ну. – Денис Рюмин с одобрением оглядел просторный восьмиугольный холл квартиры. – Умели хозяева в жизни устроиться, – цокнул он одобрительно языком. – Ну, и где у нас трупы?

– Там. В комнате, – мрачновато ответил районный опер, прибывший на место раньше коллег из Следственного комитета. – Супруги Пановы. Сергей Борисович и Арина Николаевна. Ему пятьдесят четыре, ей пятьдесят один. Жили богато, но на первый взгляд добро на месте.

В просторной, сумрачной из-за зашторенных окон комнате, на расстеленном полиэтилене лежали два тела. Мужчина и женщина с перекошенными от ужаса и боли лицами. Рты заклеены скотчем. На шеях уродливые раны.

– Им что, головы отрубили? – подходя поближе, спросил Денис Рюмин.

– Вроде того. Женщину, похоже, насиловали, – кивнув на задранный подол, заметил оперативник.

– Похоже. Сейчас криминалисты подойдут, и начнем осмотр места происшествия. О! Кажется, и начальство прибыло, – подняв палец вверх и прислушавшись, заметил Денис.

В комнату в сопровождении дежурного криминалиста Марты Львовны Галаховой вошел майор Авдеев, за ними влетел в комнату чуть запыхавшийся Никита Грязнов.

– Так, – оглядев внимательно комнату, заключил майор.

– Так, – не менее значительно проговорила Марта Львовна. – Ну, что ж, приступим.

– Докладывайте, капитан, – обратился майор к плохо выбритому и хронически мрачному коллеге из районного отделения.

– А что докладывать? Все налицо, – махнул он рукой. – Тела нашла домработница. Пришла уборку производить, у нее свои ключи. Имущество у хозяев было застраховано, а сам покойный работал исполнительным директором страховой компании «Российское общество страхования». Так что кражи не боялись.

– Ясно. Домработница на месте?

– На кухне сидит.

– Хорошо. Еще что? – наблюдая за работой Марты Львовны, спросил Станислав Дмитриевич.

– Все. Дальше я доложил начальству, оно узнало имена и должности покойных, и теперь это славное дельце не моя головная боль, а ваша, – все тем же маловыразительным тоном сообщил опер.

– Благодарствую, – с насмешливым поклоном ответил Станислав Дмитриевич. – В таком случае можете быть свободны. Рюмин, Грязнов, приступайте к розыску свидетелей. Я побеседую с домработницей. Марта Львовна?

– Иди, иди. Закончу осмотр, тогда и поговорим, – не отрываясь от дела, буркнула криминалист. Марта Львовна была дама суровая, малоэмоциональная, хоть и выглядела как оперная примадонна. Высокая, статная, с пышной шапкой черных как смоль волос, они смотрелись на ней как шлем мотоциклиста, волос к волосу, блестящие и пышно взбитые. С крупными, яркими, правильными чертами лица, громким четким голосом. Одевалась она всегда броско и дорого, обожала драгоценности, ее руки постоянно были унизаны крупными перстнями, мелкие побрякушки на ней бы просто потерялись, а в ушах болтались старинные серьги с крупными камнями.

Поговаривали, что вся эта бриллиантово-изумрудная роскошь досталась Марте Львовне в наследство от бабушки, завгастрономом, которая, пережив не один десяток ревизий, умудри-

лась благополучно доработать до пенсии, сохранив в неприкосновенности все нажитое непосильным трудом. Но возможно, это были лишь злые сплетни, распускаемые завистницами.

Но кем бы ни были предки Марты Львовны, сама она была высококлассным специалистом, и в управлении ее уважали.

Войдя в просторную, обставленную белоснежной резной мебелью кухню, Станислав Дмитриевич с трудом подавил вздох. Квартира покойных супругов Пановых воплощала собой его представления об идеальном доме, увы, недостижимые. Светлая, просторная, обставленная в классическом стиле, с сохраненной исторической лепниной, с отреставрированными деревянными рамами и бронзовой старинной фурнитурой вместо уродливых, безликих, хотя и вполне функциональных стеклопакетов. С наборным паркетом, старинными многорожковыми люстрами.

Станислав Дмитриевич еще раз тихонько вздохнул и обратил свой взор на сидящую возле стола женщину.

– Добрый день, майор Авдеев, Следственный комитет, – представился он.

– Ирина Григорьевна. Домработница. Помогала Арине Николаевне по хозяйству, – произнесла женщина.

Домработнице было около пятидесяти. Плотная, аккуратно, но скромно одетая, с гладко зачесанными назад волосами, в красивых кожаных тапочках с задниками и мягкой резиновой подошвой. Образцово-показательная прислуга.

– Как давно вы работаете у Пановых? – присаживаясь напротив женщины, спросил майор.

– Давно. Около трех лет.

– И что можете сказать о ваших бывших нанимателях?

– А что сказать? Хорошие люди, – теребя чистенький носовой платочек, рассказывала Ирина Григорьевна. – Никогда не обманывали, зарплату не задерживали, вежливые, с праздниками поздравляли. Все четко, как один раз требования объяснили при знакомстве, так все и спрашивали. А в других семьях, бывает, наймут прислугу убирать три раза в неделю, постирать и погладить, а потом начинается – «собаку выгулай, обед приготовь, в аптеку сходи, тебе же не трудно», – противным голосом передразнила Ирина Григорьевна.

– Значит, хозяева вам нравились?

– Да. Хорошие были люди, культурные, вежливые. К тому же ни детей, ни собак, в доме всегда чистота, вещи не разбрасывали, белье грязное в корзину складывали, посуду за собой горой в раковине не оставляли. Арина Николаевна всегда за порядком следила. Если меня не было день-другой, так могла и сама убрать.

– Ясно. Значит, жили супруги одни? – уточнил Станислав Дмитриевич.

– Одни. Точнее, с ними последние три года еще мать Арины Николаевны проживала, очень пожилая дама, но в своем уме. Но она недавно умерла. С сердцем плохо стало, так ее в больницу положили, там и умерла. Недели две, наверное, будет.

– Интересно. А еще родственники у хозяев есть?

– Да. Сын. Но он живет отдельно, и дочка, та вообще замуж вышла и с мужем куда-то на Восток уехала. Чуть не в Эмираты. Он у нее какой-то большой специалист. Только вот не помню, в какой области. На работу его пригласили.

– А муж русский? – уточнил Станислав Дмитриевич.

– Русский. Они туда временно уехали, по контракту, – пояснила Ирина Григорьевна.

– Телефоны сына и дочери хозяев у вас имеются?

– Только сына. Хозяева на всякий случай оставляли.

– Будьте любезны, – доставая ручку, попросил Станислав Дмитриевич, и домработница послушно продиктовала номер. – А теперь расскажите мне о сегодняшнем дне.

– Да что ж тут рассказывать? Я уже все рассказала вашему сотруднику, – тяжело вздохнув, проговорила Ирина Григорьевна. – Пришла сюда, как всегда к десяти. Сергей Борисович в это

время уже на работе всегда был, а Арина Николаевна меня встречала, объясняла, что сделать надо, и тоже уходила.

– Панова работала?

– Да. А вам не сказали? Она выпускающим редактором работала на телевидении, готовила передачи о культурном наследии, или как-то так. У хозяев в доме очень часто бывали знаменитости всякие, художники, писатели, артисты. Да не какие-нибудь поп-звездуны, а настоящие, – с восторгом заметила Ирина Григорьевна. – И знаете, такие приятные люди, никто не зазнается, все вежливые, обходительные. У меня столько фотографий с ними есть! Знакомые сперва не верили, думали – фотешоп!

– Ясно. Итак, вернемся к сегодняшнему утру. Вы пришли как всегда в десять?

– Да. Открыла своим ключом, Арина Николаевна не любила, когда ее отвлекали. У нее по утрам бывали рабочие звонки, или она просто собиралась. В общем, она сама ко мне на кухню заходила. Но бывало, что она и раньше уходила, не дождавшись меня. Тогда оставляла записку с инструкциями.

– А какие могли быть инструкции? – уточнил Станислав Дмитриевич.

– Например, приготовить ужин или распоряжения, что именно приготовить. Сдать вещи в химчистку. Или шубы проветрить, набойки на туфлях поменять. Да мало ли что? Сейчас и не вспомнишь.

– Ясно. Дальше.

– Дальше я пришла, переобулась и пошла на кухню. Поставила чайник, проверила продукты в холодильнике, разгрузила посудомойку. Арина Николаевна все не приходила. Записки тоже не было. Тогда я пошла в гостиную, думаю, пошумлю чуть-чуть, шторы в квартире раздвину, может, выйдет? Ну, а там... сами видели.

– А почему вы решили, что в гостиной надо раздвинуть шторы? Дверь в комнату была открыта?

– Нет. Просто хозяева вечером всегда шторы задвигают, улица-то узкая, кому хочется, чтобы посторонние к тебе в окна заглядывали? Это у нас на Искровском проспекте двор огромный, до чужих окон ого-го. Можно окна и не зашторивать, все равно никто не увидит. Ну вот. Они вечером зашторивали, а я утром приходила и раздвигала.

– Это они так велели или вам так было удобно?

– Они. Но и мне убирать при дневном свете веселее.

– Значит, пока вы не обнаружили тела, ничего подозрительного не замечали? – уточнил Станислав Дмитриевич.

– Нет. Ничего.

– А может, в последнее время вы замечали некую нервозность у хозяев, или, возможно, они чего-то боялись, были расстроены, обсуждали какие-то проблемы, или вообще появилось что-то необычное в их поведении?

– Да нет. Все как обычно. Конечно, Арина Николаевна была расстроена смертью матери, она хоть и пожилая была, но еще крепкая, я думала, годков пять еще протянет, а она возьми и помри. Я и поминки накрывала, кутью варила. На похоронах были только свои, так что помянули тихо, по-семейному. А больше ничего такого не было. Все как обычно.

– Хорошо. Тогда у меня просьба, пройдитесь по квартире и посмотрите, не пропало ли что-нибудь из вещей. И кстати, у супругов наверняка был сейф, не знаете, где он?

– Был. В ванной за зеркальным шкафчиком. Но кода я не знаю. И где ключи хранятся, тоже, – поспешила заверить Ирина Григорьевна.

– Итак? – завершив вместе с домработницей обход квартиры, спросил майор. – Все на месте?

– Нет. В гостиной пропала статуэтка. Небольшая такая, бронзовая, на мраморной подставке. И в спальне в шкафу пуста.

– А что там обычно было?

– Те украшения, которые Арина Николаевна каждый день надевала. Дорогие, точнее, очень дорогие, она в сейф прятала и только по праздникам или на приемы надевала.

– Можете описать, что было в шкатулке? – уточнил майор.

– Наверное. Надо только посмотреть, что на хозяйке сейчас из украшений. – Тут лицо ее сморщилось, и она плаксиво попросила: – Только можно я туда не пойду, страшно очень.

– Мы прикроем тела, оставим только руки и уши вам покажем, – пообещал майор.

– Значит, пропали сережки с черным жемчугом и бриллиантами, два кольца с бриллиантами, одно такое длинное вытянутое, как капля, а другое витое с мелкими камешками. Браслет золотой, браслет витой из золота с синими камешками, сапфирами, наверное, и часы тоже с мелкими бриллиантиками вокруг циферблата. Две пары сережек, одни такие простенькие, как палочки с крупными бриллиантами, другие побольше, с подвесками и изумрудами. Вроде все. Часы Арина Николаевна в шкафу на специальной полочке хранила, так они вроде все на месте, вот кроме этих, что пропали. И часы Сергея Борисовича тоже на месте. Вообще, из его вещей ничего не исчезло.

– Значит, громоздкого ничего не взяли, – оглядевшись вокруг, заключил майор.

А прихватить в квартире было что. Не считая дорогой аппаратуры, здесь имелись картины, мелкая пластика, каминные часы, явно старинные и очень дорогие, письменный прибор в кабинете хозяина, выполненный из яшмы, китайские вазы и прочее декоративное убранство. А еще хозяйские шубы и уже упомянутые часы, которые преступники искать, как видно, полезлись.

Отсюда вывод – целью преступников было не банальное ограбление. А что?

– Хорошо, – оборачиваясь к домработнице, проговорил майор. – Спасибо за помощь. Пока вы можете быть свободны. Если вспомните что-то важное, звоните. Вот моя визитка.

– То есть я вообще могу домой ехать? – неуверенно спросила Ирина Григорьевна.

– Да. Разумеется, – кивнул Станислав Дмитриевич.

– А убрать?

– Ах, да. Ну что ж, приедете завтра и уберете, если, конечно, наследник не будет возражать.

– Кто?

– Сын Пановых.

– Станислав Дмитриевич? – окликнула майора из гостиной Марта Львовна. – Я закончила.

– Иду. Кто-нибудь, проводите Ирину Григорьевну! – крикнул он в холл разговаривавшим там оперативникам.

– Ну, что скажете, эксперт-криминалист? – входя в комнату, спросил Станислав Дмитриевич.

– Значит, так. Убийство произошло никак не раньше полуночи, но и не позже трех ночи. Точнее скажу после вскрытия. На входных дверях следов взлома нет, значит, либо открыли сами хозяева, либо преступник имел ключи. На телах имеются множественные повреждения, поэтому на данный момент сложно сказать, каким именно образом преступник смог обездвигать своих жертв. Но предполагаю, что в бессознательное состояние обоих супругов привел удар по голове тяжелым предметом. После чего преступник, или преступники, сколько тут орудовало народу, пока не ясно, отпечатки какие нашла, все собрала, – пояснила Марта Львовна, – расстелил полиэтилен, очевидно, принесенный с собой, и приступил к допросу. Допрос велся с пристрастием, досталось обоим супругам, женщина подвергалась сексуальному насилию. И как мне кажется, хозяин квартиры перед смертью что-то важное преступникам все же сообщил, после чего оба были убиты.

– Почему вы считаете, что он проболтался?

– Скотч на лице покойного был оторван с одной стороны.

– Не заметил, – признался майор.

– Потому что смотрели издали, – назидательно произнесла Марта Львовна. – Женщина перед смертью определенно была изнасилована. Сомневаюсь, что у преступников были с собой презервативы, надеюсь взять генетический материал, – азартно пообещала криминалист.

– А что можете сказать об оружии убийства?

– Я бы сказала, что удар был нанесен острым тяжелым предметом. Чем-то вроде топора. Точнее во всех подробностях обещаю сообщить завтра, – пообещала Марта Львовна, снимая перчатки. – Я закончила, фотограф тоже, тела можно выносить. Пресса-то еще не пронюхала? – спросила она чуть тише, наклонившись к майору.

– Пока нет, – проговорил Станислав Дмитриевич.

– Пока, – эхом повторила Марта Львовна.

– Ну, что, господа оперативники, нашли свидетелей? – разместившись в роскошной кухне Пановых, проводил короткое совещание майор Авдеев.

– Пока нет. Дома почти никого нет. Рабочий день. А кто дома, тот ничего не видел, – сообщил Денис Рюмин.

– Дворники, старушки во дворе, собачники, автомобилисты? – задал наводящие вопросы майор.

– Двор колодец, лавочек в нем нет, и старушек соответственно тоже. Собак во дворе по той же причине не выгуливают, так же как и на улице, там нет ни одного кустика. Дворника не нашли, автомобилисты не попадались, кто уже на работу уехал, а кто еще из дома не выходил, – с некоторой долей ехидства сообщил Денис. Совсем их майор за зеленых сопляков держит.

– Напротив дома, наискосок, магазин «Двадцать четыре часа», там были?

«Блин!» – ругнулся Денис Рюмин, в присутствии майора он даже мысленно не позволял себе крепких выражений, «блин» был максимально допустимым. А в магазине они с Никитой не были. Уел их таки майор.

– Поздно вечером или ночью ничего подозрительного в доме напротив или поблизости не заметили? – показав служебное удостоверение, лениво глядя мимо молодящейся, но весьма потрепанной продавщицы, поинтересовался Денис.

– Не моя смена была, – так же лениво, не особо интересуясь старшим лейтенантом, ответила продавщица. – Я только в девять заступила.

– А ночью кто работал?

– Нинка.

– Телефон Нинки давай? – Годы совместной работы с майором Авдеевым, конечно, наложили определенный отпечаток на Дениса Рюмина, но стоило ему выйти из зоны видимости майора, как юношеские привычки и сложившаяся к двадцати шести годам натура брали свое.

Пока Денис тыкал пальцами в экран телефона, занося в память Нинкин номер, в магазинчик ввалилась весьма колоритная личность, помятая, неряшливая, заросшая щетиной, в общем-то, типичная для определенных социальных слоев. Нетипичными были руки индивида.

– Слышь, красавица, опохмелиться дай. Трубы с утра горят, мочи нет. Пивка, вон того, покрепче, – тыкая пальцем в приглянувшийся объект, попросил страдалец хриплым, нетвердым голосом. – Скок с меня?

– Мужик, а мужик, а в чем это у тебя руки перемазаны? – оставляя в покое мобильник, спросил Денис Рюмин.

– А фиг его знает. Проснулся весь грязный, как свинья. Мужики, сволочи, сами по домам разошлись, а меня на улице кинули. Проснулся возле лавки в кустах. Грязный, как чушка,

топор еще какой-то валяется. Едва не поранился, когда вставал. Ну, че, пиво-то давай, – обернулся он к продавщице, внимательно прислушивавшейся к их беседе.

– Дайте ему пиво, – велел Рюмин. – Рассчитался? А теперь пойдем со мной.

– Куда это?

– Там объяснят куда.

«Вот ведь везучий у них майор! Что ни выстрел, точно в яблочко», – с досадой размышлял Денис, сопровождая маргинала к служебной машине. За топором он послал Никиту Грязнова.

– Итак, представьтесь, пожалуйста, – попросил майор, когда уже опохмелившегося по милости Дениса Рюмина гражданина ввели в кабинет.

– Чего? А, в смысле зовут как? Фофанов Виктор Егорович.

– Чем занимаетесь, Виктор Егорович? Где работаете?

– Сократили меня, ничем теперь не занимаюсь, – обиженно сообщил тот.

– Откуда же вас сократили?

– Из супермаркета. Грузчиком я там работал. А они, сволочи, таджиков набрали, те не пьют, видите ли.

– А на что же вы изволите выпивать? – доброжелательно расспрашивал майор, не спеша перейти к делу.

– На что? У жены беру, она работает.

– И что же, так легко вам выдает деньги на выпивку? – недоверчиво уточнил Станислав Дмитриевич.

– Какое там! У нее допросишься. Таскаю, а то когда и вломлю, чтоб знала, с кем разговаривает.

– Бьете, значит? Нехорошо, – укоризненно заметил майор.

– Так вы меня из-за этого, что ли, прихватили? – сообразил Виктор Егорович. – Ха! Так тут еще разобраться надо, кто кого больше лупит. Я, между прочим, тоже личность, а меня она давеча сковородой огрела, хорошо не горячая была, а только-только нагреваться стала, а то бы еще и ожог был, а так вот только шишка! – запуская руки в жидкую, давно не стриженную шевелюру с целью отыскать доказательства побоев, воскликнул господин Фофанов.

– А в чем это у вас руки испачканы, Виктор Егорович? – поинтересовался майор.

– Руки? А пес его знает. Меня, вон, ваш уже спрашивал, – кивая в сторону Дениса Рюмина, поделился Виктор Егорович. – С меня ваша тетка уже грязи наскребла в склянку, скоро расскажет в чем.

– Ну, хорошо. А что за топор возле вас лежал, когда вы проснулись?

– А пес его знает. Помойка рядом, может, не донес кто. Народ ленивый, два шага до бачка не сделать. Вот и швыряют что попало куда ни попадя. Хорошо, что по голове не попали.

– А что вы делали сегодня ночью с одиннадцати до двух?

– Пил с мужиками. Ночи теплые, у Михалыча как раз аванс был. Погуляли. А че случилось-то, начальник? Я сперва думал из-за жены, из-за Верки, а сейчас гляжу, нет.

– Сегодня ночью в доме пятнадцать тем самым топором, который оперативные работники обнаружили рядом с вами в кустах, были убиты супруги Пановы.

– Кто убит? Топором? Убийство мне шьете? – постепенно осознавал происходящее Виктор Егорович. – Да ты че, начальник? Да я ни в жизнь! Да ты у мужиков спроси, я же с ними!.. Да я знать их не знаю, этих, как их... не знаю, короче, и все! – Тут он случайно кинул взгляд на свои руки и с ужасом уставился на них.

– Вот что, гражданин Фофанов, на основании имеющихся у нас улик я вынужден задержать вас до выяснения обстоятельств дела. Грязнов, уведите задержанного.

– Обстоятельств? Каких еще обстоятельств? Вы че беззаконие творите? – вопил задержанный Фофанов, когда Никита чуть не силой тащил его из кабинета.

– Станислав Дмитриевич, а почему только до выяснения? – поинтересовался исполненный дурных предчувствий Денис Рюмин. – Тут же и так все ясно, вот топор, вот трупы.

– Я понимаю, старший лейтенант Рюмин, ваше горячее желание поскорее закрыть дело и отчитаться перед начальством, но все же вынужден вам напомнить, что наша с вами задача не бодрые рапорты строчить и галочки в отчетах ставить, а раскрывать преступления. Сбор улик и доказательств, поиск мотивов и задержание виновных – вот наша задача.

– Так вот они улики, доказательства, мотивы и виновный! – радостно воскликнул Денис Рюмин, все еще надеющийся на счастливый исход дела.

– Да? И как вы себе это представляете? Каким образом задержанный Фофанов проник в квартиру Пановых?

– Позвонил в дверь, наплел чего-нибудь, они и открыли, – пожал плечами Денис.

– Господа Пановы, услышав в полночь звонок в дверь, заглянули в глазок и, увидев на лестнице явившегося к ним со светским визитом господина Фофанова Виктора Егоровича, гостеприимно распахнули ему дверь? – без всякой насмешки спросил Станислав Дмитриевич, заставляя Дениса краснеть. – Что же должен был им, по вашему выражению, наплести Фофанов, чтобы ему открыли?

– Простите, не подумал, – буркнул Денис, но тут же оживился: – Он не звонил, он утром ключи стырил у кого-нибудь из супругов и сам открыл двери!

– Допустим. Почему он сделал это в двенадцать часов ночи, когда хозяева были дома? Почему было не сделать это днем, когда они на работе? Сам он не работает, целый день свободен, мог спокойно проследить, когда дома никого не будет, и нанести визит с минимальными рисками.

– Ну, пьяный был, не подумал. Взял да и приперся.

– А зачем?

– Как зачем? С целью ограбления. Может, ему на бутылку не хватало. Мог заодно и кого-нибудь из дружков прихватить.

– И полиэтилен?

– Ну да.

– Чтобы в него завернуть награбленное?

– Именно! – обрадовался Денис понятливости майора.

– Дело в том, Рюмин, что целью убийцы было вовсе не ограбление.

– А что?

– Пока не знаю. Но именно это нам и предстоит выяснить. А ограбление было так, либо для отвода глаз, либо заодно уж, как говорится. Чего добру зря пропадать? Но в этом случае можно будет предположить, что действовали наемные лица, и возможно, с криминальным прошлым. Не устояли против легкой наживы, – размышлял вслух майор Авдеев.

– Станислав Дмитриевич, – заходя в кабинет, с порога заговорил Никита Грязнов. – Вот, взгляните, что при обыске обнаружили в кармане брюк Фофанова. Похоже на бриллианты. – И Никита протянул майору витое кольцо, усыпанное мелкими сверкающими камешками.

– Похоже на одно из колец, описанных домработницей Севрюгиной. Никита, пригласите ее на опознание, пусть осмотрит кольцо, а заодно предъявим ей Виктора Егоровича.

– А вдруг это все же он? – не желал сдаваться Денис. – Его вполне могли нанять. Мутный субъект, денег нет, выпить хочется, вот и подрядился.

– На что? Пытать Пановых? Перерубить им шеи топором?

– А может, у него скрытые садистские наклонности!

– Наклонности у него исключительно алкоголические, – не согласился с ним Станислав Дмитриевич. – Фофанов обычный алкоголик, мелкий хулиган, бузотер и к тому же трус. Неужели вы не поняли, что он даже собственной жены боится, которая, судя по всему, регулярно лупит его сковородой за то, что он таскает у нее деньги?

– Тогда откуда у него кольцо?

– Оттуда же, откуда и топор. Кто-то не поленился прогуляться до соседнего двора и подкинуть спящему в кустах алкоголику оружие убийства и кольцо жертвы, в надежде, что какой-нибудь нерадивый оперативник предпочтет быстро закрыть дело, не вникая в детали преступления, свалив все на опустившегося алкоголика. – Сказано это было без какого-либо упрека, но Денису стало стыдно за собственное горячее желание свернуть дело по-быстрому.

– Какие наши дальнейшие действия? – преданно заглядывая в лицо майору, бодро спросил Никита Грязнов, демонстрируя полную солидарность с начальством, отчего на лице Дениса Рюмина появилась кривая презрительная усмешка.

– Будем думать. Кстати, вы связались с сыном Панова?

– Да. Он уже едет к нам, – отрапортовал Никита.

Глава 2

7 июня 2018 г. Санкт-Петербург

Случившееся не укладывалось у Максима в голову. Родители умерли, убиты. Он вышел из следственного комитета в каком-то онемелом состоянии, едва передвигая ноги, пытаясь понять, как могло случиться, что его родители, с которыми он вчера разговаривал по телефону, обсуждал планы на выходные, шутил и даже спорил, такие живые, успешные, полные сил и планов, такие молодые, могли быть мертвы? Они были совсем не старые, а выглядели так еще моложе, и Максиму, как в детстве, все еще казалось, что они будут с ним вечно. И не потому, что он от них зависел, нуждался в их помощи, нет. Максим был самостоятелен, успешен и независим. Впрочем, в этом была их заслуга. Они его так воспитали, дали ему образование и помогли устроиться на его первое место работы. Дальше уж он двинулся сам.

Максим вышел на улицу и остановился, не зная, куда идти. На работу? В ресторан напиться? Позвонить кому-то из друзей, родственников? Единственным человеком, кому он мог бы позвонить в создавшейся ситуации, кто понял бы его и разделил всю боль без остатка, была бабушка. Но она умерла две недели назад.

Воспоминания о бабушке окончательно добили Максима, он вдруг сообразил, что теперь он остался совсем один. Сестра не в счет. Они никогда не были особо близки, а с тех пор как Машка вышла замуж и нарожала детей, она и вовсе отдалилась от них, растворилась в своем Валерике и отпрысках. Оставалась жена. Хорошо хоть у него есть Аня. Немного взбалмошная, чуточку самовлюбленная, но родная и любимая.

Больше не раздумывая ни минуты, он сел в машину и поехал домой. Он так спешил, проскакивал на мигающие сигналы светофора, подрезал, прыгал из ряда в ряд, занимая себя опасной ездой, чтобы не лезли в голову тоска, боль и страх, что домчался до дома в рекордно короткие сроки.

Хорошо, что Аня дома. Она теперь вся его семья. Только к ней он мог пойти со своим горем. Она его поддержка, его тыл.

– Аня? – войдя в квартиру, окликнул Максим, и голос его сорвался. Сказать вслух о том, что произошло с родителями, было еще тяжелее, чем об этом молчать. Он вдруг испугался, что не сможет сдержаться и заревет. Как девчонка. А потому он просто молча прошел в комнату. У них с Аней была просторная трехкомнатная квартира в новом элитном доме с видом на Малую Невку, с огромным открытым пространством кухни, столовой, гостиной и панорамным окном во всю стену. Он и родителям предлагал выбраться из старого фонда, переехать в новый современный дом, с охраной, консьержем, видеонаблюдением. Но им категорически не хотелось переезжать. Они любили свою квартиру с просторным восьмиугольным холлом, старинной лепниной, наборным паркетом. Новодел их не привлекал. Так же как и бабушку. А вот послушались бы его, может, были бы живы, с горечью подумал Максим.

Ани в гостиной не было. Неужели на фитнес уехала? Надо было все же позвонить, с запоздалым сожалением подумал он, идя в спальню. И вот тут Максим услышал. И замер в коридоре, борясь с желанием убежать, а потом уверить себя, что ничего не было, просто работал телевизор. Но это был не телевизор. Охала и стонала, повизгивая, именно Аня. Уж ее привычки и интонации он знал хорошо.

Максим сцепил зубы и бешеным ударом кулака распахнул дверь спальни.

Увиденное было хоть и ожидаемо, но от этого не менее отвратительно. Аня, распластавшись на кровати, стонала, вцепившись когтями в мускулистого, коротко стриженного кобеля, наверняка тренера из фитнеса, а может, и нет, сиськи ее тряслись в такт его энергичным, напористым движениям. Шумного вторжения Максима никто из них не заметил, слишком уж увлечены были.

– А-А! Давай! Давай! – зарычала Анька, выгибаясь под своим жеребцом.

Если бы не смерть родителей, Максим повел бы себя иначе. Возможно, досмотрел бы хладнокровно весь акт до конца и лишь потом объявил о своем присутствии. А затем, с возможной изощренностью унизив похотливую тварь, выставил бы ее из дома вместе со стриженным уродом, покидав в чемодан вещички и даже не повысив при этом голоса. Возможно. Но сегодня у него сдали нервы.

Он схватил подвернувшуюся ему под руку вазу, стоявшую на комоде возле двери, тяжелую и дорогую, и что было силы запустил в паскуду.

Таких слов Максим прежде никогда не употреблял, даже мысленно, но сегодня... Анька заорала от испуга, кобель едва не слетел с кровати.

– Блин! – воскликнул заметивший Максима любовничек и, соскочив с развалившейся на кровати Аньки, похватав свои пожитки, метнулся прямо на Максима. От такой прыти и, что уж скрывать, от внушительных габаритов прелюбодея Максим как-то растерялся и дорогу перекрывать ему не стал. Да, впрочем, он Максиму был и не нужен, мордобой его не вдохновлял и в планы его не входил. Не этот мужик его предал, а похотливая, сытая, холеная, блудливая тварь, лежавшая сейчас на их общей кровати. На супружеском, как пишут в книгах, ложе.

Дальнейшее Максим помнил смутно, что и как он делал, и уж вовсе не помнил, что орал в припадке гнева. Кажется, он подскочил к кровати, схватил перепуганную и от этого еще более наглую жену за волосы и голую потащил из комнаты. Анька визжала. Пинала его ногами, что-то кричала. Кажется, что-то оскорбительное. Угрожала. Требовала. Но он молча ее тащил, изредка обзывая какими-то гадкими словами. Так они добрались до прихожей. Затем, крепко держа жену за длинные густые волосы, которые она так холила и которыми так гордилась, распахнул входную дверь и вытолкнул ее на лестницу.

Она стучала кулаками и пятками в дверь, рвалась обратно, грозила устроить скандал, чтобы все соседи увидели. Но Максиму сегодня было наплевать и на соседей, и на скандал. Он схватил что-то с вешалки, рывком распахнул дверь, бросил Аньке в лицо и захлопнул снова. Все. Жены у него тоже больше нет.

Какое-то время Анька еще продолжала колотить в дверь ногами, звонить, орать, но Максим ее уже не слушал. Он достал из бара бутылку коньяка и, не тратя время даром, принялся глушить его прямо из горла. В первый раз в своей жизни. Так безобразно, в одиночку, до полной отключки.

Утро встретило Максима не радостно. Первое, что он ощутил в момент пробуждения, была дикая головная боль. Он застонал, попытался перевернуться и свалился на пол. Откуда? А пес его знает. Во рту было сухо и мерзко, спину ломило, ноги затекли.

Он смутно осознавал, кто он, но это было все, что он осознавал, в остальном его бесценное «Я» окружал полнейший вакуум.

Максим попытался сосредоточиться и получил новый заряд головной боли, в дополнение к беспрестанному сверлящему мозг гулу. Осознав наличие гула, Максим неожиданно понял, что это не просто гул, это вообще не гул. Это звук его мобильного. Это он разбудил Максима и теперь продолжает трезвонить, причиняя ему невыносимую боль.

«Да что б тебя!» – подумал Максим с новой, не свойственной ему прежде развязностью. Первым его порывом было нащупать источник раздражения и вышвырнуть его куда подальше. Но потом что-то разумное, трезвое шевельнулось в нем, и он решил ответить. С трудом нащупав мобильник, он поднес его к уху и еле проскрипел пересохшими губами вялое «алло».

– Максим Сергеевич, добрый день. Это Ирина Григорьевна.

– Кто? – Максим изо всех сил пытался собраться с мыслями.

– Ирина Григорьевна, домработница ваших родителей.

– А... – И тут Максим вспомнил все. Все, что толкнуло его к бутылке, все, что он так страстно пытался вчера забыть. Гибель родителей, предательство Ани. – Я слушаю.

– Максим Сергеевич, вы простите меня, что звоню вам в такое время, – робко проговорила Ирина Григорьевна, – но я подумала, может, вам помощь нужна? Поминки устроить или прибраться? У Арины Николаевны я сегодня все помыла, мне полиция разрешила, я подумала, может, вам что нужно?

– Да, – медленно проговорил Максим, обдумывая предложение. – Да. Ирина Григорьевна, вы можете приехать ко мне сейчас?

– Да, конечно. Диктуйте адрес.

– Вызовите такси, я оплачу, так будет быстрее, – посоветовал женщине Максим, продиктовал адрес. Ему было необходимо поговорить с кем-нибудь о случившемся. С кем-то, кто его поймет. Например, с домработницей.

Он положил трубку и взглянул на дисплей. Три раза звонила секретарша, потом зам, затем сам генеральный, блин... Еще было с десятков звонков с незнакомого номера, а еще звонки от тещи – не меньше двадцати, начиная со вчерашнего вечера. Ясно. Анька добралась до своих. Перезванивать ей он не стал, а пошел в ванную, чтобы быстро, насколько это позволяло его самочувствие, привести себя в порядок. В одном Ирина Григорьевна была абсолютно права. Он должен организовать похороны. И вызвать из Эмиратов сестру.

Стоя под душем, Максим с тяжелым сердцем думал о том, что надо бы позвонить на работу, объяснить, почему его сегодня нет. Вчера, уходя из офиса, он еще ничего толком не знал, предупредил только, что на работу, скорее всего, не вернется, у родителей неприятности. А сегодня утром было назначено совещание по открытию нового филиала. «Наверное, надо взять отпуск на несколько дней. Только кому бы лучше позвонить?» – подставив лицо под прохладную струю, размышлял Максим. Мысль о том, что придется обсуждать с кем-то чужим случившееся, его ужасала. Наверное, лучше звякнуть секретарше. С ней можно не церемониться, коротко изложить ситуацию, а уж она передаст руководству.

Так он и сделал. Включив кофемашину, Максим набрал Дашин номер.

– Добрый день, Максим Сергеевич. Где вы? Вас с самого утра Никольский ищет.

– Здравствуйте, Даша. Сегодня меня не будет, и скорее всего не будет дня три. Вчера у меня погибли родители...

– Какой ужас! – воскликнула Даша, но тут же спохватилась, Максим не приветствовал на работе лишних эмоций. – Извините, Максим Сергеевич, примите мои соболезнования.

– Спасибо. И предупредите, пожалуйста, Никольского и Лушина, я позвоню им, как только смогу.

– Конечно, Максим Сергеевич, я все сделаю.

Вот так.

А потом пришла Ирина Григорьевна. В темном костюме, собранная, с полными сочувствия глазами.

– Добрый день. Проходите, пожалуйста, – пригласил ее в комнату Максим. – Садитесь. Ирина Григорьевна, в Следственном комитете мне сказали, это вы нашли родителей. Расскажите, что там было, вчера я как-то не сообразил расспросить полицию.

– Ну, конечно, такой шок, – согласилась женщина. – Только зачем вам все эти подробности? Лучше такого не знать, – скорбно покачала она головой.

Но Максим уже собрался и теперь точно знал, как ему быть, что делать и чего он хочет. Хочет правды и чтобы поймали преступников, и он со своей стороны был намерен проследить, чтобы следствие шло как положено, и разумеется, помочь по мере сил.

– Ирина Григорьевна, я должен знать всю правду, и лучше услышать ее от вас, знакомого человека, чем в Следственном комитете. Так что не стоит меня щадить, расскажите все, как было. – Голос Максима звучал твердо.

И Ирина Григорьевна его послушалась, но вот услышанное от нее заставило Максима усомниться в том, что ему надо было знать эти подробности.

– А топор почти сразу нашли, возле помойки, рядом с каким-то бомжом. Я как раз вернулась в квартиру, рассказать полиции о том, что Павел Сергея Борисовича по утрам в офис возит. Шофер его. Сразу забыла об этом сказать. И слышала, как молодой полицейский начальнику про топор рассказывал.

– Они мне ничего не сказали.

– Так, наверное, разглашать не хотят до конца следствия, – успокоила его Ирина Григорьевна.

– Или хотят по-тихому на этого бомжа все спихнуть, – резко возразил ей Максим.

– А вы думаете, это не он? – с сомнением спросила домработница.

– Конечно, нет. Вчера меня настойчиво расспрашивали о том, не было ли у родителей врагов, не угрожал ли им кто-нибудь. Когда я ответил, что нет, стали расспрашивать, какие в нашей семье имеются семейные реликвии или особые ценности. Я тогда не понял, к чему они клонят. Теперь ясно. Раз родителей пытали, значит, речь идет не о простом ограблении.

– Ну, Сергей Борисович был человек известный, вряд ли они так просто дело закроют, – робко предположила Ирина Григорьевна.

– Вряд ли, – кивнул Максим. – Если только это не был заказ и на них никто не надавит.

– Так это же ограбление. Я сама с майором квартиру осматривала. Пропали почти все драгоценности Арины Николаевны.

– Пропала лишь часть побрякушек, и то не самая ценная, – возразил Максим. – Никто еще толком ничего не знает, что это было и кто это сделал. Ладно, что сейчас гадать. Ирина Григорьевна, вы сказали, что привели квартиру родителей в порядок?

– Да.

– Хорошо. Я собираюсь вызвать сестру, а ее квартира сейчас сдана в аренду, очевидно, им придется остановиться у родителей. И возможно, мне понадобится ваша помощь с похоронами, я пока не очень хорошо представляю, что от меня потребуется.

– Да вы не волнуйтесь. Сейчас похоронные бюро хорошо работают, не то что раньше, – поспешила успокоить его домработница. – Все подскажут, объяснят и с документами помогут. За деньги, конечно. И с кладбищем. Вы на каком хоронить будете, на Смоленском, рядом с Аглаей Игоревной?

– Да, наверное. – Максима от таких простодушных вопросов опять начало потряхивать, и снова появилось желание выпить.

– Ну, тогда надо будет взять с собой в похоронное бюро свидетельство о том, что место вам принадлежит, – корочка такая, там и место указано, – а потом на кладбище съездить обо всем договориться. А еще отпевание заранее заказать. Вы ведь в храме отпевать будете?

– Да. Наверное.

– Да вы не переживайте. Я вам помогу. Если хотите, вместе можем поехать, – по-матерински участливо предложила Ирина Григорьевна.

– Да нет. Спасибо, – очнулся Максим. – Я справлюсь. А если что, позвоню, посоветуюсь. Вы извините, что я вас сюда вызвал, но с утра я что-то...

– Все в порядке, и не надо извиняться, – остановила его Ирина Григорьевна. – Может, вам по дому помощь нужна? – спросила она, оглядывая не слишком опрятную гостиную.

– Нет-нет. У нас есть женщина. Она приходит два раза в неделю прибираться. – «У нас», поймал себя на слове Максим.

Нет, теперь не у нас, а у меня. Больше никаких «нас» нет и быть не может. А Анькины шмотки надо будет упаковать и отправить к теще с курьером. И чем раньше, тем лучше. И кстати, женщину эту, что убираться приходит, Максим совсем не знает, так, видел пару раз мельком. Ее Анька нанимала, а у Максима даже номера ее телефона нет. Так что придется дожидаться ее ближайшего визита и уволить, оставлять в квартире Анькиных шпионов он не собирается.

Ирина Григорьевна ушла, а Максим снова уселся на диван, собираясь с силами, прежде чем позвонить сестре. А еще лучше ее мужу, Валерию. Уж пусть он сам как-то подготовит Машку и мягко, осторожно ей все преподнесет.

А потом, наверное, нужно будет связаться со Следственным комитетом. Побеседовать с этим, как его? Ему же давали вчера визитку, – припомнил Максим и пошел в спальню искать вчерашний пиджак. Оказалось, «этого как его» звали Авдеев Станислав Дмитриевич, и был он майором. Ну вот. С ним и следовало побеседовать.

– Добрый день, Максим Сергеевич. Проходите.

Майор Максиму не понравился сразу. Вежливый, речь культурная, в модном костюмчике, лицо холеное, как у чинуши из мэрии. Такой руки марать не станет, костюмчик лишний раз не помнет. А состряпает красивое дельце, свалит все аккуратненько на бомжа, отчитается перед начальством, премию еще наверняка получит и с женой на море, отдыхать.

– Слушаю вас, – участливо проговорил майор.

– Вчера, когда мы с вами беседовали, я был слишком потрясен случившимся, а потому не задал ни единого вопроса о ходе следствия, да и вообще, честно говоря, плохо соображал.

– Разумеется, – понимающе кивнул майор, чем вызвал еще большее отвращение у Максима. Сволочь двуличная, еще сочувствие изображает!

– Так вот, – не выдавая чувств, продолжил Максим. – Мне стало известно, что вчера вы обнаружили на месте преступления орудие убийства.

– Пока не получены данные экспертизы, я бы не был столь категоричен, но предполагаю, что так оно и есть.

– Значит, у вас уже есть подозреваемый? – стараясь держать себя в руках и не выдать голосом кипящее внутри раздражение, поинтересовался Максим.

– Подозреваемый – да. Но у меня нет уверенности, что этот человек имеет отношение к смерти ваших родителей, – осторожно ответил Станислав Дмитриевич. Он вообще был осторожен в выражениях и знал цену словам. – Я вчера уже спрашивал вас, но возможно, от полученного шока вы не смогли как следует обдумать мои вопросы, а потому я спрошу еще раз. Максим Сергеевич, не было ли у ваших родителей неприятностей, возможно, им кто-то угрожал? Или вдруг возникали скверные предчувствия, или в последнее время вы не замечали в поведении ваших родителей ничего необычного? Может, какая-то нервозность, неожиданно поменявшиеся планы? Вдруг наметилась какая-то срочная поездка или всплыл какой-то давний знакомый, – предлагал варианты майор.

– Нет. Ничего такого не было.

– О семейных реликвиях и ценностях я уже спрашивал, не так ли?

– Так. И ничего такого у нас нет. Все семейные реликвии, какие уцелели после революции, были проданы в дни блокады.

– До революции ваша семья занимала в обществе видное положение?

– Да. Моя прапрабабка была фрейлиной, а прапрадед министром двора, – чуть раздраженно проговорил Максим, но вовремя спохватился. – Простите. Нервы на пределе, любая ерунда из себя выводит. – Нельзя давать волю эмоциям. Нельзя. Человек, не умеющий владеть собой, ничего и никогда не добьется в жизни. Эмоции мешают ему здраво мыслить, объективно оценивать ситуацию, реагировать. Одним словом, всегда и везде надо принимать решения умом, а не сердцем. Вот он один раз в жизни послушался этого самого сердца и в конечном итоге получил. Анька сразу не понравилась родителям, и мама просила его хорошенько обдумать свой выбор, не спешить со свадьбой. Но он, ослепленный «страстью» молодой идиот, не послушался, и вот результат. Стало так больно и горько, так тяжело от навалившихся на него несчастий, что Максим не удержался и, проявив презренную слабость, тяжело вздохнул, потер лицо ладонью, словно стараясь стереть навалившуюся тоску.

Станиславу Дмитриевичу парня было жалко. Впрочем, какой он парень? Мужчина. Чуть младше, чем он сам. И, тем не менее, в одночасье потерять обоих родителей – это тяжелый удар для любого. Еще вчера успешная, благополучная семья перестала существовать. А ведь у Панова даже детей нет, если бы были, он бы не чувствовал себя так одиноко. Хорошо хоть женат. Майор с сочувствием взглянул на бледного, с глубокими синими тенями на лице человека. Панов поймал его взгляд и тут же постарался взять себя в руки. Молодец. Сильный парень, не рохля, не размазня. Не пропадет, с уважением и симпатией заключил майор.

Собраться Максиму помог полный мнимого сочувствия взгляд майора. Ему стало стыдно за то, что не сдержался и показал этому двуличному, продажному менту свою слабость. Ну уж нет! Сопли распускать он будет дома, а сейчас надо хоть что-то выяснить. Но майор его опередил:

– Возможно, у вашего отца были неприятности на работе, финансовые проблемы? Конфликт с компаньонами?

– Ни о чем таком мне не известно. Но если это поможет следствию, я попытаюсь выяснить.

– Поможет. Только будьте осторожны. Постарайтесь сделать это ненавязчиво, между прочим. Мы со своей стороны эту версию тоже проверим, – пообещал майор. У него не было оснований подозревать младшего Панова в убийстве родителей, а потому он счел возможным проявить определенную откровенность в разговоре.

– Значит, вы считаете, что тот, кто издевался над родителями перед смертью, пытался выбить из них какую-то важную информацию?

– Возможно.

Следственный комитет Максим покидал с твердой уверенностью, что добросовестного расследования не будет. Он не доверял таким сладкоголосым деятелям, как этот лощеный майор с замашками модного адвоката.

Глава 3

Март 1918 г. Тобольск

Легкая невесомая вьюга с еле слышным шелестом и свистом проносилась вдоль высокого дощатого забора «Дома свободы». Притихший, укрытый потемневшим, колючим от недавних оттепелей снегом Тобольск жался к теплым печам, кутался в шали и тулупы, ждал настоящей весны, мечтал встряхнуться, выбраться из тесных домов на зеленый простор, на жаркое солнышко. Уже поселилась в сердцах обывателей тихая необъяснимая радость, какая прокрадывается по весне даже в самые очерствелые сердца, бережит, беспокоит, томит смутными ожиданиями. И лишь обитатели «Дома свободы», бывшего Губернаторского дома, были мучимы совсем другими предчувствиями, подавлены и растеряны.

Приходилось расставаться с преданными, давно знакомыми людьми, беспокоиться за их судьбу и за свою. И за судьбу России. Позорный Брестский мир потряс императора, ужаснул императрицу и все их окружение. Темный ужас, хаос захватил Россию, и не было у них средств спасти ее. А тут еще солдатские комитеты. Солдаты охраны, начитавшись революционной литературы, совершенно переменились к своим пленникам, демонстрировали невозможные грубость и хамство. Глухая, удушливая злоба окружала царственных пленников, клубилась внутри дощатого забора, наполняла печалью глаза и тяжестью души.

Но было Прощеное воскресенье, и была служба, и храм, полный нежного пения, и чудесный запах свечей и ладана, и наполнялись сердца любовью и светом, легче становилась ноша и светлее лица.

Только эта радость и осталась семье с тех пор, как пришло из Петрограда известие о разгоне Временного правительства и приходе к власти большевиков. О, как круто повернулась действительность с приходом этого известия, как бурно выплеснулась на семью бывшего самодержца ненависть, нет, не народная, – жители Тобольска жалели изгнанников, посылали им гостиницы, крестились в тех редких случаях, когда видели их идущими в храм, вставали на колени, плакали. Солдатский комитет, вот кто был настоящим гонителем. Солдаты охраны, едва услышав о смене власти в столице, с ужасающей, никем не ограничиваемой ненавистью обратились к семье, стремясь унижить, притеснить, каждой малостью задеть утратившего власть, беззащитного перед ними бывшего Российского самодержца, его высокомерную супругу и их детей, раздражающе везливых, простых в обращении, кротких, светлых и, видимо, оттого еще более ненавистных.

О как рьяно они взялись за установление «равенства» в «Доме свободы», потребовав, чтобы Николай Второй снял погоны, а получив решительный отказ, постановили перевести все семейство на солдатский паек. И пришлось подчиниться. Поскольку по решению комиссара Карелина из казны теперь оплачивались только солдатский паек, отопление дома и электричество. Остальное царственные пленники оплачивали из личных капиталов, но и тут имелось ограничение: в месяц тратить не более шестисот рублей. И пришлось расстаться с преданными, ставшими почти родными людьми, последовавшими за семьей в ссылку. Уволить большую часть прислуги. И не потому горевали, что не могли обойтись без этих людей, а потому, что обрекали их и их семьи на нищету и голод. Где им, дворцовым слугам, найти заработок в новом пролетарском Тобольске? А в феврале, не зная, как еще притеснить, чем задеть кротких и смиренных узников, взяли солдаты охраны да и разломали ледяную горку, которую дети вместе со своим учителем Пьером Жильяром и его величеством посреди двора построили. И еще тоскливее, еще скучнее стали дни, из развлечений за высоким забором только и остались, что колка и распилка дров.

А тут еще новая напасть. Из Омска прибыл отряд солдат с комиссаром Дуцманом с требованием передать им царственных пленников, чтобы препроводить их в Омск для суда и

казни. Да, отовсюду теперь доносились крики и вопли с требованием казнить Кровавого царя Николашку. И обидно это было и ранило до слез, ибо не кровавым он был, а смиренным и кротким, и людей своих любил и страну. И жизнь за нее готов был отдать, а его кровавым называют, казни его требуют за преступления. Неужто же он таким плохим царем был, таким уж негодным?

– Смилуйся над нами, Господи!

*Из дневников Пьера Жильяра
(4 марта 1918 года)*

«Сегодня воскресенье на Масленице. Все в полном веселье. Под нашими окнами проезжают туда и обратно сани. Звон колоколов, бубенчиков, звуки гармоник, песни... Дети грустно смотрят на всех этих веселящихся людей. С некоторого времени они начинают скучать, и их тяготит заключение. Они ходят кругом двора, окруженного высоким сплошным забором. С тех пор как их гора разрушена, их единственное развлечение – пилить и рубить дрова.

Наглость солдат превосходит все, что можно вообразить; ушедших заменили молодыми, у которых самые гнусные замашки.

Их Величества, несмотря на жгучую тревогу, растущую со дня на день, сохраняют надежду, что среди верных им людей найдутся несколько человек, которые попытаются их освободить. Мы неоднократно настаивали перед Государем, чтобы держаться наготове на случай всяких возможностей. Он ставит два условия, которые сильно осложняют дело: он не допускает ни того, чтобы семья была разлучена, ни того, чтобы мы покинули территорию Российской империи. Государыня говорила мне однажды по этому поводу: «Я ни за что на свете не хочу покинуть России, так как мне кажется, что если бы нам пришлось уехать за границу, это значило бы порвать последнюю нить, связывающую нас с прошлым; мне кажется, что это прошлое погибло бы безвозвратно».

Тревожно, тревожно было в бывшем Губернаторском доме.

– Евгений Степанович, – тихим голосом обратился к полковнику Кобылинскому Николай II, отводя командира отряда особого назначения, несшего охрану пленников, к окну кабинета, – у меня к вам просьба, и не пустячная.

За окном уже стемнело, небольшой костер возле караульных отбрасывал на вытопанный снег двора и на дощатый забор трепещущие красные отсветы, свежий, по-весеннему влажный ветер качал ветви деревьев. Николай Александрович, осунувшийся, потемневший от навалившихся на семью невзгод, как завороченный смотрел сквозь стекло на трепещущее пламя.

Начальник царской охраны вытянулся по стойке смирно, хотя уже не было на нем погон, солдатский комитет постановил их снять, и формы на нем тоже не было, и командиром он числился постольку-поскольку, с трудом удерживая в повиновении разболтавшихся, разнузданных караульных, и только ради пленных не покидал свой пост, из последних сил стараясь защитить их от хамского произвола. А ведь когда-то, еще совсем недавно, солдаты эти были отборным лейб-гвардии полком, преданным государю Императору. Но вот приехал из Петрограда в сентябре семнадцатого года комиссар Панкратов. Занялся с солдатами грамотой и прочими хорошими предметами, а между делом освещал разные политические вопросы. И так хорошо у него дело пошло, что вместо того, чтобы стать социал-революционерами, как их учитель, солдаты прямоком обратились в большевистскую веру. И возненавидели семью бывшего самодержца лютой ненавистью, желая немедленно установить на земле всеобщее равенство и справедливость, и воплощали свои желания в безобразных хамских выходках.

– Я всегда к вашим услугам, Ваше Величество.

– Евгений Степанович, я хочу просить вас взять на хранение часть драгоценностей, которые нам позволили увезти с собой из Царского. Хранить их в этом доме становится все опаснее и ненадежнее. – Голос императора звучал как всегда тихо и ласково, и глаза смотрели на полковника с глубокой бездонной печалью. – Участь наша становится все более неопределенной с каждым днем, а потому я прошу вас об этом одолжении. Если с нами что-то случится, передайте шкатулку и наши с Алексеем шпаги и кинжалы Марии Федоровне или кому-то из семьи, кому будет возможно.

– Ваше Величество...

– Нет-нет, Евгений Степанович, мы очень хорошо все обдумали с Аликс, так будет надежнее. Ну, а если Господь смилуется над нами и пошлет нам избавление, вы всегда сможете вернуть нам шкатулку. – Тень улыбки, с которой Николай II произнес последнюю фразу, не оставила у полковника сомнений, что по крайней мере в собственное избавление Государь давно уже не верит. – Вы сможете выполнить нашу просьбу?

– Я делаю все возможное, Ваше Величество.

– В числе прочего я передаю вам Малую корону Ее Величества, сохраните ее, Евгений Степанович, очень вас прошу. Она более чем все прочие сокровища дорога нам с Аликс. Ею она короновалась на царство. – При этих словах на глаза опального Императора навернулись слезы.

– Обещаю сделать все, что в моих силах, – твердо, по-военному ответил полковник.

Николай с глубокой благодарностью взглянул в осунувшееся лицо полковника, окинул взглядом поседевшие за последний год виски, седую полоску усов и, обняв его, от переполнявшей сердце теплоты и благодарности расцеловал его трижды, по христианскому обычаю, словно уже прощаясь.

Шкатулка была не велика по размеру, но изрядно тяжела, и к тому же еще к ней прилагались завернутые в мешковину шпаги и упакованная в вату и папиросную бумагу корона. Как пронести это мимо караула? Было поздно, все солдаты охраны, кроме постовых у ворот, уже спали. Кто сегодня в карауле? Если эти крикуны из комитета, дело плохо, могут и досмотреть. Но, на счастье полковника Кобылинского и Их Императорских Величеств, в карауле в эту ночь стояли Сорокин с Демидовым, ребята добродушные, верные сердцем данной царю присяге и в глубине души сочувствовавшие пленникам, хотя и они не стали бы в открытую вставать на их защиту. Времена пошли нынче такие, что за лишнее слово могли и к стенке поставить по законам большевистского правительства. А кому умирать охота?

Евгений Степанович оделся, застегнул пальто, поправил шапку и, прихватив чемодан с саквояжем, вышел на завьюженный двор. К ночи опять похолодало, и растаявшие днем на весеннем жарком солнышке проталины прихватило ледком. Полковник не спеша двигался по посыпанной опилками дорожке к воротам, где ежились в шинелях караульные.

Завидев начальство, они вытянулись по стойке смирно, хотя и с ленивой, честь отдавать не стали. Да и не положено одетому теперь в гражданское платье полковнику под козырек брать.

– Ну, что, все спокойно? – строго взглянув в глаза часовым, поинтересовался для порядку Евгений Степанович.

– Так точно, – гнусаво ответил Сорокин, который третий день ходил простуженный с сильным насморком.

– Шли бы вы, Сорокин, в караулку отлеживаться. Пусть сегодня вместо вас Мишутин подежурит.

– Ага. Пойдет он, как же, – хрипло ответил Сорокин и смачно высморкался в снег, отчего полковник испытал приступ отвращения и едва сдержался, чтобы не прикрикнуть на караульного и не назначить лишний наряд. Но все же сдержался, не прикрикнул, потому как не

то сейчас время, а даже совсем наоборот, пожелал Сорокину скорейшего выздоровления и беспрепятственно покинул территорию «Дома свободы».

Нести чемодан к себе, в дом Корнилова, где полковник квартировал вместе с охраной, было неразумно и опасно. Куда же его девать среди ночи? Их надо куда-то пристроить хотя бы на время.

Клавдия Михайловна! Она не квартирует с остальной свитой, потому что не так давно прибыла в Тобольск с письмами для их Величеств. И Евгений Степанович, круто развернувшись, направился на квартиру госпожи Битнер, которая в последние дни присоединилась к их маленькому кружку и согласилась по просьбе императрицы, в память о своем прежнем занятии учить царевен и наследника русскому языку, литературе и математике. До революции Клавдия Михайловна руководила женской Мариинской гимназией в Царском Селе.

Думая о Клавдии Михайловне, Евгений Степанович оживился, настроение его исправилось, и даже необходимость побеспокоить ее в столь поздний час его не смутила.

Добравшись до дома госпожи Битнер, к счастью, она квартировала на первом этаже, полковник взобрался на хрупкий, по-весеннему ненадежный сугроб и тихонько постучал в окно.

Тонкие белые занавески качнулись, и в окне показалось встревоженное лицо Клавдии Михайловны. Увидев полковника, она побледнела, молча кивнула в сторону ворот.

– Что стряслось? Что-то с наследником, с семьей? – Ее голос взволнованно дрожал, а на милом нежном лице застыло выражение испуга.

– Нет-нет. Вернемся скорее в дом, пока меня никто не увидел, – поправляя на Клавдии Михайловне сползший с плеч пуховый платок, попросил полковник.

Клавдия Михайловна, строгая, собранная, словно бы и не ложилась до его прихода, стояла возле стола с замершим от дурных предчувствий лицом и ждала объяснений.

– Простите меня ради бога за столь поздний визит, – ставя на стол саквояж и снимая шляпу, проговорил Евгений Степанович, – но дело не терпело промедлений. Вот здесь драгоценности императорской семьи, здесь оружие Государя и наследника. Мне только что их вручили, и я, признаться, побоялся нести их к себе на квартиру. Учитывая настроения в рядах солдат охраны, я могу быть в любой момент смещен, арестован, а комнаты мои обысканы.

– Конечно, конечно, я все понимаю, – поторопилась успокоить его Клавдия Михайловна.

Полковник плохо видел ее лицо в бледном, неверном сиянии луны, льющемся из наполовину зашторенных окон, но свет он сам просил не зажигать.

– Вы можете все оставить у меня. Вот только куда бы их спрятать? Хозяйка приходит убирать комнаты и может проявить любопытство.

Почти до рассвета искали они подходящее место и не придумали ничего лучше, чем спрятать сверток с оружием под матрас, а шкатулку в сундук и запереть его. Саквояж полковник оставить так и не решился, после настойчивой просьбы императора во что бы то ни стало сберечь корону он не рискнул бы расстаться с ней и на миг.

– Авось пронесет, – перекрестилась Клавдия Михайловна. – Хозяева люди порядочные, может, и обойдется, – устало вздохнула она, провожая Евгения Степановича.

А он, выйдя на ночную улицу, дошел до угла и остановился в раздумье. Он не имел никакого представления, как быть дальше. Ничего не оставалось, кроме как идти к себе. Но пока шел, он придумал, что ему делать с короной, теперь нужно было дожидаться утра, а пока что он спрячет ее под половицы, авось Господь милосердный не попустит завтра бунта среди охраны и он благополучно осуществит свой план.

На следующий день, проверив караулы и выставив на дежурство самых надежных людей, он, не сказав никому ни слова, исчез и вернулся лишь спустя сутки.

А вскоре докатилась до Тобольска большевистская власть. Застучали копыта за высоким дощатым забором, заскрипели сани. Замелькали кумачи. И оживилась тихая тобольская

жизнь. Вслед за первым отрядом из Омска прибыл отряд, посланный большевистским правительством Екатеринбурга, и тоже с требованием выдать им царскую семью. Екатеринбургский отряд был меньше, хоть и горластее, а потому был изгнан из Губернаторского дома вон.

И пошла в Тобольске новая жизнь. Разогнали в городе местную земскую и городскую управы, переизбрали Совет, и полетели из Омска и Екатеринбурга наперегонки телеграммы председателю ВЦИК Свердлову с требованием перевести царскую семью из Тобольска, чтобы не сбегали по весне.

Неспокойно было в Губернаторском доме, хоть и не знали его обитатели ни о телеграммах, ни о сжимавшемся вокруг них кольце, но чувствовали угрозу.

А потому выносили из дома доверенные люди царские драгоценности, те, что невозможно было бы утаить от новой власти. Вынес чемодан с бриллиантами дворецкий Чемодуров, укрыла часть сокровищ игуменья женского Иоанновского монастыря, спрятал в храме бесценное оружие семьи Романовых и царские драгоценности священник отец Алексей Васильев. Так что когда в апреле месяце появился в «Доме свободы» комиссар Яковлев, дабы этапировать царственных узников в Москву на суд, а фактически в Екатеринбург на расправу, основная часть семейных ценностей уже была передана надежным людям, и после расстрела царской семьи лишь малая толика досталась их палачам.

Глава 4

7 июня 2018 г. Санкт-Петербург

Полина Сурмилина сидела над большой картонной коробкой и разбирала дар, поднесенный их районной библиотеке родственниками недавно почившей Аглаи Игоревны Болотниковой. Отчего покойная распорядилась подарить книги именно их библиотеке, было не ясно, в числе читателей она никогда не значилась. Но заведующая библиотекой Антонина Ивановна сочла неприличным отказываться от подношения, в конце концов, если что-то не пригодится на абонементе, девочки могут забрать это домой.

– Ох, и не знаю, зачем нам новые поступления? – рассуждала она, проводив родственников усопшей. – Читателей с каждым годом все меньше, все электронные книги читают. Того и гляди закроют нашу библиотеку, а нас всех сократят. Ладно, Полина, разберите, пожалуйста, коробки, составьте опись, а там посмотрим, что делать.

И вот Полина, сидя за книжными стеллажами в дальнем углу библиотеки, разбирала подарки. Полное собрание сочинений Толстого, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Чехова в практически идеальном состоянии. И издание хорошее на белой качественной бумаге. В прежние годы самые востребованные авторы. Школьники с пятого по десятый класс осаждали прежде библиотеки, а теперь? Кому они нужны? Но Полина обожала книги, а потому бережно составляла их в стопочки на столе, не забывая вносить в список выходные данные и количество томов.

В следующей коробке обнаружили сочинения зарубежных классиков. Их Полина также занесла в опись. А вот в третьей коробке оказались поистине бесценные книги. Полина даже ахнула.

Перед ней лежал роскошный том. «Царствующий Дом Романовых». У Полины даже дыхание прервалось от восторга. Книга напечатана в год празднования трехсотлетия Дома Романовых и повествует об истории его царствования. Полина нежно провела ладонью по тисненному корешку и раскрыла книгу. Особый стиль печати, специальный, старинный русский шрифт, заказные иллюстрации, выполненные в Париже! Обложка художника Шистера. Отпечатано в Скоропечатне А. Левенсона в Санкт-Петербурге. Особый шик и изыск изданию придавали стилизованные зарисовки, заставки и концовки, выполненные Николаем Самошкиным. Восторг!

Полина просидела над книгой не меньше часа, пока Антонина Ивановна не позвала всех пить чай. Пришлось отложить бесценный фолиант и отправляться в подсобку. Ничего, теперь эти книги достояние библиотеки, и Полина сможет читать их хоть каждый день. Благо посетителей по нынешним временам у них кот наплакал. Если бы не школьные экскурсии и уроки литературы, проводимые к юбилеям различных авторов в библиотеке, они бы вообще зачахли.

После чая Полина с трепещущим сердцем продолжила разбор коробки.

А это что, французский? Так, так. Полина прекрасно знала язык, а потому без проблем перевела название книги: «Как воспламенить в мужчине любовь. Советы искушенной». Гм. У нее руки зачесались от нетерпения. Ей, как старой деве, ну, может и не совсем деве, но уж точно засидевшейся в девках неудачнице, подобные советы были бы кстати. Особенно от искушенной француженки, даже если она и жила лет двести назад. Времена, как известно, меняются, а люди нет. Выходных данных на титульном листе не было, так же как и на авантитуле. Ни года выпуска, ни названия издательства. Полина была заинтригована. Может, книга рукописная? Полина бережно перевернула страницу. Нет, пожалуй, все-таки печать. Хотя шрифт очень необычный. Возможно, какое-то редкое дорогое издание, может даже заказное. Полина не была букинистом или антикваром, она просто любила книги и работала в библиотеке, потому что не смогла найти лучшего места по окончании университета. Кстати говоря, окончила она вовсе

не библиотечный или архивный, а исторический факультет. Но такова уж была ее неказистая судьба, что работать ей пришлось не в НИИ или музее, а в районной библиотеке.

Впрочем, что Бога гневить, ей здесь очень нравилось. Уютно, спокойно, всегда есть что почитать, нервы в порядке, ответственности никакой, хлопот тоже. Вот еще бы зарплата побольше... Здесь Полина еще раз вздохнула. Но вспомнила о книге и почувствовала незнакомый волнительный холодок, пробежавший по спине.

Удивительная книга, таинственная и необыкновенная!

– Полина, как у тебя дела, много осталось? – раздался из-за стеллажей чуть рокочущий голос Антонины Ивановны. – Есть что-нибудь интересное?

И Полина, сама не зная, зачем и почему, захлопнув книгу, сунула ее себе под попу.

– Да, вот в этой коробке очень интересные старые книги, а вот здесь классика. Состояние идеальное, – не вставая с места, показывала Полина. Но Антонина Ивановна не расположена была вникать в содержимое коробок.

– Очень хорошо, – кивнула она, мельком взглянув на аккуратные стопочки. – Полина, у нас завтра запланирован урок с шестиклассниками из семьсот восемьдесят второй школы, я сама собиралась проводить, а сейчас вспомнила, что у меня номерок к врачу. Вы сможете меня подменить?

– Ну, разумеется. А что за тема? – обрадовалась Полина. Обычно она ненавидела эти уроки. Распинаться перед сопляками, которые зевают тебе в лицо или исподтишка сидят в своих гаджетах, удовольствие небольшое, но чувство стыда за сокрытое казенное имущество требовало хоть как-то загладить сей неприглядный поступок.

– Чехов, я вам оставлю примерный план урока, – обрадовалась Антонина Ивановна. – Ну, ладно, не буду мешать. Заканчивайте. – И ее плотная, грузная фигура скрылась за стеллажами.

Полина торопливо вынула из-под себя фолиант и поспешила в подсобку, служившую сотрудникам и гардеробом и буфетом одновременно, и спрятала заветный том в сумку. «Я возьму ее только на время», – утешала себя Полина, терзаемая неумолимым бичом всех интеллигентных людей – совестью.

– Полюнь, что так рано? – раздался из комнаты мамин голос, едва Полина преступила порог квартиры. – Ты что, забыла в магазин зайти?

Забыла. Конечно, забыла, опуская на тумбочку в прихожей сумку, вздохнула Полина.

– Доча, у нас же ни молока, ни хлеба.

– Прости, мама, сейчас сбегая, – стараясь скрыть досаду, ответила Полина. – Только книжку выну, взяла на работе почитать.

Такое случалось часто, и маму подобное заявление насторожить не должно. В любом случае она не сможет ее прочесть, разве что тисненное название, да и то, учитывая витиеватость шрифта, вряд ли. Мама у Полины ослепла. Глаукома, что б ее! Слава богу, мама успела доработать до пенсии, прежде чем полностью потеряла зрение, иначе им бы пришлось еще сложнее в материальном плане. Полинину мизерная зарплата позволяла разве что с голоду не умереть, не более. Так что мамина пенсия, а на пенсию она ушла в должности завлабораторией, была им очень кстати.

Иногда Полина задумывалась: а как бы им жилось, не потеряй мама зрение? Может, тогда Полина смогла бы выйти замуж, создать семью, потому что мама, которая от всей души хотела дочери счастья и мечтала о внуках, не цеплялась бы за нее так отчаянно, хотя и бессознательно. Не боялась бы остаться одна. Не была бы так зависима и беспомощна. Полина вздохнула и отогнала бесполезные, глупые, несправедливые мысли. В ее неустроенности виновата лишь она сама. Глупая, пугливая, закомплексованная идиотка. Ведь предлагала же ей Алиса Семенова перейти на работу преподавателем в Академию тыла и транспорта. Уговаривала!

– Полина, да ты что! О чем тут думать? У нас девяносто процентов мужиков на десять процентов баб. Хочешь препода выбирай, хочешь слушателя. Это же офицеры! Они Академию заканчивают, у них перспектива! Генеральшей станешь. Да у нас все замуж выходят, и кривые, и косые, и тупые. Всех разбирают, уж можешь мне поверить.

Но Полина испугалась девяноста процентов мужчин в военной форме, кирзовых сапогах, с большими перспективами и осталась сидеть в районной библиотеке с Антониной Ивановной и Инной Яковлевной. Без перспектив, без денег, зато в тишине и покое. И без мужчин. Потому как в их библиотеку мужчины моложе шестидесяти не заглядывали, а другой возможности познакомиться у нее не было, потому что из-за мамы она посещала лишь продуктовые магазины и аптеки.

До заветной книги Полина добралась лишь перед сном.

Она закрыла дверь в комнату, включила настольную лампу, достала из ящика стола большой русско-французский словарь, уселась за свой старенький письменный стол и – здесь ее сердце пропустило от волнения один удар – открыла книгу.

Прежде чем вчитываться в заковыристый текст, Полине захотелось просмотреть названия глав и рассмотреть многочисленные, яркие, проложенные папиросной бумагой иллюстрации.

Иллюстрации были странные. Не в смысле исполнения или сюжета, а в смысле воздействия на нее.

Например, на первой картинке была изображена соблазнительно изогнувшаяся женщина с пышными белокурыми волосами, в алом, напоминающем греческие туники одеянии. Она как вспышка пламени выделялась на темном фоне. Полина присмотрелась – то ли это был лес, то ли сад, но определенно что-то растительное за спиной женщины угадывалось. Ничего пошлого или откровенного в картинке не было. Женщина даже не была обнажена. Но Полина вдруг ощутила, как по коже пробежали мурашки, а от пристального взгляда нарисованной красотишки она покраснела, настолько бесстыдным и откровенным он был.

Полина поспешила перевернуть страницу. Но на прочтении заглавия сосредоточиться не удалось, и она перелистнула следующую страницу в поисках иллюстраций. Теперь та же блондинка стояла к ней спиной, не то на краю башни, не то на краю обрыва, и искоса через плечо смотрела Полине прямо в глаза с чарующей, но какой-то порочной улыбкой, словно манила в полет.

Полина почувствовала, что ее губы приоткрываются в такой же зовущей улыбке, наливаются страстью, становятся пухлее. Ресницы томно опустились на глаза, а вся она словно налилась невидимой силой. Боже, просто мистика! – усмехнулась самой себе Полина. Но и усмешка эта была исполнена неги и томности.

Полина листала книгу и чувствовала, как наливается неведомой ей искусительной силой, даже грудь ее округлилась, увеличилась, соски налились и стали выпирать из бюстгалтера. Да что же это такое? Полина не выдержала, вскочила со стула и подбежала к зеркалу. На нее смотрело ее обычное отражение. Русые волосы, подстриженные каре, зеленые глаза, ресницы, нос, рот, шея. Все как всегда. Пожалуй, только румянец на щеках не обычный, а какой-то горячий.

– Вот ведь дурочка, – усмехнулась Полина. – Нафантазировала, напридумывала.

Она вернулась за стол и прочла следующее: «Улыбайся легко, губ не размыкая, и улыбка твоя должна нести тайну, а глаза страсть. На кавалера смотри издали, коротко, словно стрелу пускаешь. Обожди взглядом. Пообещай. Обмани. Когда подойдет и заговорит, в глаза прямо не смотри, лишь искоса из-под ресниц, бросай кроткие взгляды. Кротость притягивает, откровенность отпугивает. Тайна – главное оружие женщины».

– Экая невидаль! – фыркнула Полина. – Только где ее взять, тайну, когда ты сплошная проза? – заправляя за ухо жиденький прямой локон, проворчала она.

«Ходи плавно, ступай шагами мелкими, скользящими, плавно изгибай стан и покачивай бедрами. Не выставляй напоказ свои прелести, лишь дразни, обещай многое, имея малое».

– Вот это про меня, – взглянув на свой скромный бюст, заметила Полина.

«Назначая свидание, будь осторожна, репутация женщины хрупка, как хрустальная чаша, и так же безвозвратна». Чушь. «Свидание должно достаться кавалеру лишь после долгих ухаживаний, мук неизвестности, ревности и преодоления препятствий, лишь тогда оно принесет сладость обоим и станет достойной наградой». Гм.

Полина протянула руку, чтобы перевернуть страницу, но она не переворачивалась. Попробовала подцепить ноготком. Опять не вышло. Может, на книгу что-то пролили и страницы слиплись? Но передний обрез был в идеальном состоянии, позолота свежа, и на ней не виднелось ни единого пятнышка. Полина внимательно осмотрела книгу. Склеилось никак не меньше десяти страниц. Возможно, их склеили намеренно? В книге скрывается чья-то любовная тайна? Полина почувствовала, как любопытство мелкими мурашками пробегает по коже.

Недолго думая, она взяла тоненький нож для разрезания бумаги и как можно аккуратнее разделила страницы. Первая, вторая, третья, четвертая, и лишь между пятой и шестой страницами она обнаружила небольшой плоский конверт из плотной бумаги, пожелтевший, с темными пятнами, но без каких-либо пометок. Ни адресата, ни отправителя на конверте указано не было. Конверт был заклеен, но ничего нащупать в нем Полине не удалось. А может, там нет никакого письма, а, к примеру, насыпан ядовитый порошок? – вдруг испугалась Полина. А может, приворотное зелье, учитывая тематику книги? Впрочем, яд в тематику тоже укладывался.

Она еще раз внимательно осмотрела конверт. Определить, насколько он стар, не получалось. Полина не имела ни малейшего представления, как выглядит, например, пергамент или бумага шестнадцатого века. Посидев еще немного, она решила, что все это глупости и плод ее воспаленной фантазии. Часы показывали второй час ночи, а потому голова, очевидно, работала уже с проворотами. На всякий случай Полина осторожно понюхала конверт, тихонько потрясла, прислушиваясь, и, ничего не услышав, смело взялась за нож для разрезания бумаги. Осторожно вскрыла конверт, и на стол выскользнул тоненький сложенный пополам листик рисовой бумаги, исписанный бисерным почерком с изящными завитушками. Обращения на письме не было.

«Ну, слава богу, не отрав», – выдохнула с облегчением Полина, взглянув в глаза коварно усмехающейся блондинке. На развернутой перед Полиной иллюстрации она, облаченная в черный плащ, шла среди могил по ночному кладбищу. Очевидно, эта картинка и навела Полину на мысль о ядах и приворотных зельях.

«Белладонна, собранная в полнолуние на кладбище, истолченная кость почившей юной девы, капля крови младенца...»

Дальше Полина читать не стала, точно, рецепт приворотного зелья. Гадость какая! Она отодвинула подальше книгу с коварной обольстительницей и взяла в руки листок, выпавший из конверта.

Французский? Нет, не только. По-французски был написан лишь первый абзац. Затем следовали немецкий и английский. Последний абзац был написан, судя по всему, на латыни. Полина владела французским и английским, средневековую латынь они изучали на первом и втором курсах. Разумеется, она уже все забыла, но со словарем перевести сумеет.

Что же это такое? От листочка веяло старинной тайной.

– Поля, ты что, еще не спишь? – раздался из-за двери обеспокоенный голос мамы. – Ты что, плохо себя чувствуешь? Заперлась... Поля?

– Извини, мам. Это я так, случайно, – поднимаясь со стула, поспешила успокоить ее Полина. – Книжку с работы интересную принесла, вот и зачиталась.

– Поль, тебе же завтра на работу, не выспишься, – попеняла ей мама. – Ложись уже, завтра дочитаешь.

Пришлось подчиниться. Мама все равно не отстанет. Переодевшись в ночную рубашку, Полина аккуратно сложила в конверт листочек, конверт положила в книгу, на цыпочках, неслышно ступая по ковру, подошла к книжному шкафу и засунула книгу на самый верх. Мама хоть и ослепла, но, тем не менее, проявляла удивительные бдительность, ловкость и смекалку в деле присмотра за Полиной.

Может, потому Полина до сих пор и не замужем? Лучше бы мама, чем за ней следить, училась самостоятельно ходить по городу, в магазины и аптеки. И не потому, что Полине это сложно, а потому, что, изображая из себя беспомощную жертву обстоятельств, она все крепче и крепче привязывала к себе дочь, сужая не только свой мир, но и мир Полины до четырех стен их скромной двухкомнатной квартиры. Полина всхлипнула в подушку от жалости к себе, но испугавшись, что мама услышит, подавила в себе и слезы и жалость. Даже этого она себе не могла позволить! Начав жалеть Полину, мама бы в конце концов плавно перешла на жалость к себе, и Полине пришлось бы до утра уверять маму, что она ей не в тягость, что она ее очень любит, никогда не бросит, что они всегда будут вместе, и прочее в том же духе. А потом мама счастливая пойдет спать, а Полина с больной головой на работу. Лучше уж и не начинать.

– Ну вы подумайте, какие книги редкие! Дорогущие, наверное, – рассуждала за послеобеденным чаем в библиотеке Инна Яковлевна. – Даже удивительно, что они не в букинистический отнесли, а нам подарили. Могли бы неплохие деньги выручить.

– А может, им эти копейки не нужны, – пожала плечами Антонина Ивановна. – Видели, на какой они машине приехали? – Полина согласно кивнула. Дарители приезжали на новеньком белом внедорожнике «Мерседес». – Для таких людей хлопот от этого предприятия больше, чем выгоды.

– Ну, не знаю, – с сомнением проговорила Инна Яковлевна. – К тому же у нас их и читать-то некому. Кому нужны книги на французском или немецком?

– Ну почему же. Сейчас многие языки знают и свободно читают в подлиннике, – заметила Полина.

– Да, но к нам такие читатели не заглядывают, – густо намазывая «свердловскую» булочку маслом, заметила Инна Яковлевна. Ни она, ни Антонина Ивановна за фигурой не следили. Им обеим было уже за пятьдесят, обе были замужем, имели взрослых детей, а Антонина Ивановна так и внуков. Полина тоже за диетой не следила. Не потому, что не боялась потолстеть, а потому, что уже махнула на себя рукой. Кому есть дело до ее фигуры? Никому.

Хотя сегодня утром, когда она спускалась в лифте, произошло что-то странное.

На четвертом этаже в лифт вошел сосед. Полина его знала, он с семьей уже года четыре как въехал в их дом. Соседу было около сорока, он был подтянут и довольно хорош собой, жена у него тоже была женщина ухоженная и, можно сказать, красивая. До сих пор он никогда с Полиной не здоровался, обращая на нее внимания не больше, чем на пустое место. Но сегодня, войдя в лифт, уставился так, словно увидел впервые, даже поздоровался, и пока ехали до первого этажа, глаз с Полины не спускал.

Полина с непривычки вся вспотела от смущения, покрылась румянцем по самые ресницы и боялась глаза поднять, чтобы не встретиться взглядом с соседом. Так, взглянула пару раз коротко, проверить, все еще таращится или уже перестал, и снова в пол. А сосед мало того что поздоровался, так еще и, выходя из лифта, пропустил ее вперед, и дверь парадной придержал. Ничего себе!

Полина на улицу выбралась ни жива ни мертва от смущения. И что соседу от нее понадобилось? Отойдя подальше от подъезда, она внимательно себя осмотрела. Нет ли пятен на плаще, или, может, одна туфля у нее красная, а вторая желтая? Впрочем, это уж было полной ерундой. У Полины были единственные туфли, и те черные. Даже лицо осмотрела, вдруг

за завтраком кашей перемазалась. Нет, и тут все в порядке. Обычная физиономия, скучная, невыразительная, только очень уж румяная... и взгляд какой-то странный.

Полина присмотрелась к себе. Да нет, показалось. Начиталась на ночь всякой ерунды, вот и мерещится, что в глазах у нее, как у той блондинки, чертовщинка какая-то появилась. Полина убрала зеркальце в сумочку и, едва заметно покачивая бедрами, отправилась в родимую библиотеку.

– Полина, вы же у нас владеете языками, составьте на эти книги карточки, надо распределить их по жанрам в каталоге. А на абонемент, думаю, их выставлять не стоит, – вывела ее из задумчивости Антонина Ивановна. – Лучше заказать стеклянные витрины и туда их, от пыли и читателей подальше.

– Так у нас есть витрины, зачем еще? – отрываясь от сдобы, напомнила Инна Яковлевна.

– Инна Яковлевна, это экспозиционные витрины. В них мы все время обновляем экспозицию. Готовим тематические подборки к праздникам и датам.

– Ах, да. Ну, ладно, пойду довязывать зятю носок на абонементе, – сообщила, поднимаясь, Инна Яковлевна. – Вдруг кто из посетителей зайдет, так я быстренько в ящик уберу, – пообещала она Антонине Ивановне.

А Полина снова вернулась к коробкам с книгами.

Кроме уже осмотренных ею «Советов искушенной» и «Царствующего дома Романовых» в коробке обнаружились Jeremias Gotthel «Die schwarze Spinne» на немецком, 1757 года издания, «Sir Galahad» Alfred Tennyson на английском, Бодлер на французском и Луций Анней Сенека на латыни.

Антонина Ивановна напрасно волновалась. Книг на иностранных языках оказалось вовсе не так много. По сути, всего четыре, а остальные были вполне посильны среднестатистическому читателю даже их скромной библиотеки.

Едва закончив разбор последней коробки, Полина вдруг ощутила невыносимую тоску по дому. А точнее, тягу домой, и не просто домой, а к хранящейся дома тайне, которую ей предстояло раскрыть.

Глава 5

8 июня 2018 г. Санкт-Петербург

– Итак, господа сыщики, – обращаясь к своим молодым коллегами, проговорил майор Авдеев, – на наше с вами счастье, пресса до сих пор не пронюхала про убийство супругов Пановых, но думаю, радоваться нам осталось недолго. А потому предлагаю, не тратя время даром, приступить к активным розыскным действиям.

Денис Рюмин и Никита Грязнов согласно кивнули.

Утро среды выдалось пасмурным, прохладным, совсем не летним, впрочем, как и все утра июня. А потому лейтенанты не были сильно огорчены перспективой очередного рабочего аврала.

– Итак, как следует из отчета, представленного Мартой Львовной, отпечатков преступников в квартире обнаружено не было. Но удалось извлечь генетический материал из тела изнасилованной Арины Пановой, и он... – тут майор сделал едва заметную паузу, – не совпал с образцами, полученными у задержанного Фофанова.

– А может, это его дружок постарался, – не сдержался Денис Рюмин.

– Эту вероятность мы сегодня же и проверим. В комитет вызваны все собутыльники Виктора Егоровича. Думаю, такое решение вопроса должно вас удовлетворить, Денис, – с едва уловимой насмешкой взглянул на подчиненного майор. Тонкость натуры была основной чертой майора, которая напрягала его сослуживцев, оной не отличавшихся. Коллегам Станислава Дмитриевича часто мерещилась насмешка там, где ее не было, и они регулярно не улавливали скрытой в его словах иронии там, где она была. Особенно туго приходилось Денису с Никитой, поскольку именно они чаще всего работали с майором. По какой причине он их так выделял среди прочих сотрудников, не известно было даже самым старшим лейтенантам, но в душе такое предпочтение Станислава Дмитриевича им очень льстило, потому что именно он считался лучшим сыщиком города, и именно ему доставались самые интересные, самые громкие дела. А значит, и продвижение по служебной лестнице под крылом такого начальства могло быть самым быстрым. А к характеру и манерам майора оба лейтенанта давно приспособились и даже перестали трепетать перед ним, а так, лишь побаивались и очень уважали.

– Что у нас с водителем Панова, – майор заглянул в свои записи, – Павлом Барышниковым?

– Я вчера с ним встречался, – наклонился к столу Денис. – Крепкий такой парнишка, двадцать семь лет, служил в армии, имеет среднее профессиональное образование, колледж какой-то окончил, в страховой компании работает четвертый год. Панова возит меньше года, раньше возил его зама, но когда прежний водитель Панова уволился, Барышникова вроде как повысили.

– С этим ясно. А где господин Барышников был вчера утром? Он приезжал за Пановым?

– Нет. Вчера он не приезжал. Как раз накануне к нему бывший сослуживец приехал в гости из Мурманска. Так что Павел еще с вечера отпросился у Панова, взял сутки за свой счет, чтобы с сослуживцем погулгануть. Это он так выразился, – поторопился оправдаться Денис.

– И Панов его отпустил?

– Да. Барышников сказал, что Панов сам хорошо водил машину и, если у Барышникова случались какие-то обстоятельства, без проблем его отпускал.

– Эту информацию нужно проверить в фирме, хотя бы у секретарши Панова. И желательно в их транспортном отделе. Мало ли что этот Барышников наговорить может, – заметил майор. – Ну а что у него с алиби на ночь убийства?

– Так пили они, он и дружок его армейский. Я его видел. Лицо и запах соответствующие.

– Лицо и запах, старший лейтенант Рюмин, к делу не пришьешь, нужны свидетели и доказательства. Задача ясна?

– Так точно.

– Вот и хорошо. Барышникова проверьте самым тщательным образом. В случае с водителем мотивов может быть несколько: месть, заказ, ограбление. Он много времени проводил с Пановым, мог случайно что-то услышать и сделать определенные выводы. К тому же водитель – человек, хорошо знакомый супругам, позвони он им в дверь под благовидным предлогом, его бы впустили, – продолжал размышлять майор. – Опять же, сослуживец Барышникова может быть соучастником убийства. По мнению экспертов, преступников было двое. Вот что, Денис, работайте с Барышниковым осторожно, не вспугните. На прямой контакт старайтесь не выходить, а я его на завтра вызову, посмотрю, что он за человек, заодно возьму подписку о невыезде.

– А мне что делать? – вытянул шею Никита Грязнов.

– Ищите свидетелей и выясните, с кем близко общались супруги Пановы, и главное, кто часто бывал у них дома. Я займусь рабочим окружением покойных, – решил Станислав Дмитриевич. – Ну что, добры молодцы, по коням?

День прошел в хлопотах. Полиция выдала разрешение на погребение, и Максим был вынужден весь день заниматься похоронами. Все это время он старался думать о том, чем занимается, отстраненно, как о работе. Заполнить бумаги, выбрать гробы, венки, цветы, заказать службу. Зарезервировать зал, заказать меню для поминок. Известить знакомых, родственников, коллег отца и матери. Тут ему на помощь пришли тетя Лена, мамина подруга, и Юрий Петрович, старинный друг отца. Они взяли на себя оповещение общественности, и Максим был избавлен от многочисленных объяснений и соболезнований. Они поступали лишь в виде СМС. От генерального тоже, с предложением взять недельку за счет отпуска. Максим с благодарностью согласился.

А еще безостановочно трезвонили теща, тесть и Анька. Последняя бомбила его эсэм-эсками. Но Максим хранил упорное молчание. Надо будет позвонить Ирине Григорьевне и попросить ее об одолжении, собрать Анькины вещи и отвезти их по адресу. И чем скорее, тем лучше, а то задолбит звонками. Женушка Максима отличалась завидным упорством и настырностью.

Звонила сестра, вся зареванная, с дрожащим от слез голосом, вот тут Максим дал слабину и сам едва не разревелся, пришлось парковать машину и радоваться, что стекла затонированы и никто его не видит. После разговора с Машей и подробного обсуждения обрушившегося на них несчастья, а заодно обстоятельств смерти родителей, снова захотелось напиться. Счастье, что еще дел было по горло, надо было торопиться на кладбище и в храм.

Вечером Максим добрался до дома голодный, измотанный и, войдя в свою просторную пустую квартиру, вновь ощутил острый приступ тоски и боли. Но скучать ему пришлось недолго.

Сперва приехала Ирина Григорьевна, а затем нагрянули бывшие родственники. Тесть, теща и Анька. Только тут он вспомнил, что у них имеется запасной комплект ключей. Надо же такого дурака свалить! Но горевать по этому поводу было уже поздно.

– А! Дома зятек! – напустилась на него прямо с порога теща Нина Романовна. – Отдыхаешь? Мерзавец! Думаешь, раз деньги есть, можешь как угодно над женой издеваться, что за нее некому заступиться? Это же надо, абсолютно голой из дома выгнать, без копейки денег! Сволочь ты настоящая! А мы к нему как к родному относились, я, как последняя дура, всем рассказывала, как Ане с мужем повезло. Какой он добрый, да умный, да заботливый. Хорош заботливый! Ну, ничего! Ты теперь не перед нами, ты теперь перед судом и полицией отвечать будешь! Аня, а ты не стой, как побитая собака! Это и твой дом, половина квартиры тебе по

закону принадлежит, и все, что здесь имеется. И вообще, мы теперь с тобой проживем, чтобы он не мнил себя баринном.

За спиной тещи стоял угрюмый тесть, молча кивая при каждом слове супруги. Анька стояла за спиной родителей и смотрела на Максима с наглым насмешливым вызовом, из чего он сделал вывод, что правды о вчерашнем происшествии она родителям не сказала.

Он сегодня дико устал, был измотан морально и физически, и разборки с бывшими родственниками были ему сейчас совершенно не нужны. Но как от них избавиться? Никак.

– Что ж, половина квартиры, разумеется, по закону принадлежит вашей дочери. Так же как и половина долга по ипотеке, которую я ежемесячно выплачиваю за квартиру, – недрогнувшим голосом сообщил Максим.

– Какой еще такой ипотеки? Ты же говорил, что купил квартиру, что она в собственности? – выдвинулся вперед тесть.

– В собственности, пока я исправно выплачиваю ипотеку, – согласился Максим.

– Ну, вот и выплачивай, а Ане достанется выплаченная половина, как пострадавшей стороне, к тому же ипотека на тебя оформлена, – нашлась теща, и Анька ей одобрительно кивнула.

– Разумеется, – согласно кивнул Максим. – Но думаю, что суд, выслушав показания любовника вашей дочери, с которым я вчера застукал ее в постели и, кстати сказать, успел заснять на телефон, – тут Максим несколько приврал, ничего он в припадке бешенства на телефон не снял, а зря, – решит вопрос иначе, и выплаченная половина достанется мне.

– Чего? Ты что придумываешь? Тебе как не стыдно! – припустила с новой силой теща. – Ах ты мерзавец бессовестный!

– Да как же это вам не стыдно? – раздался у них из-за спины чей-то тихий укоризненный голос.

Максим уже и забыл, что Ирина Григорьевна в соседней комнате собирает Анины вещи. Ей он, конечно, ничего не объяснял, просто просил помочь. И вот теперь Ирина Григорьевна ангелом-спасителем появилась в гостиной.

– У человека такое горе, родители умерли, он целый день похоронами занимался, а вы? Как только не совестно? Что удивляться, что дочь у вас выросла такой... не буду называть, чтобы самой не позориться.

Тихие укоризненные слова Ирины Григорьевны произвели впечатление. Теща удивленно заткнулась. А тесть, нахмутив лоб, озадаченно поинтересовался:

– У кого родители умерли? Аглаю Игоревну уже две недели как похоронили.

– Вы даже этого не знаете? – взглянув на Аньку, спросила Ирина Григорьевна. – Да, вот это жена! У Максима Сергеевич вчера родители погибли, он целый день похоронами сегодня занимался, а вы?

– Не понял. Как погибли? Когда? Ты почему нам не сказала? – обернулся тесть Дмитрий Алексеевич к дочери.

– Не сказала, потому что не знала, – огрызнулась Анька, но тут же спохватилась: – Видимо, для него такие мелочи значения не имеют, раз он жене не счел нужным сказать.

– Когда же они погибли? – не повелся тесть.

– Вчера утром их обнаружили в квартире убитыми, – коротко ответила Ирина Григорьевна, взглянув на Максима. – А не сказал Максим Сергеевич ничего, потому что, как я понимаю, придя домой в неурочное время, в надежде на поддержку близкого человека, нашел вашу куклу в постели с чужим мужиком. А то, что он ее из квартиры вышвырнул, так правильно сделал, надо было еще врезать разок.

Максим был Ирине Григорьевне благодарен, сам он эту тему обсуждать не хотел, а скандал ему был противен, но и как отделаться от Аньки с родителями достойно, он тоже не представлял.

– Та-ак, – протянул тесть. Надо отдать должное, Дмитрий Алексеевич был мужиком честным, порядочным, добродушным и с принципами. Услышанное ему явно не понравилось. – Вырастила вертихвостку, – обернулся он к жене. – А с тобой мы дома поговорим, – пообещал он Аньке. – Оpozорила семью, а потом еще и дураками выставила? А ты, Максим, прости нас, прими соболезнования. Никаких судов и дележки квартиры не будет.

– Дима!

– Пап, ты вообще, что ли?

– А ну цыц, курицы! Я вам посужусь, – прошипел он жене и дочери. – Прости, Максим, я бы очень хотел с родителями твоими проститься. Хорошие были люди, но теперь совестно даже на кладбище появляться. – И он повернулся к двери.

– Вот я тут вещички собрала, – выкатывая в гостиную два огромных чемодана и сумку, сообщила Ирина Григорьевна. – Здесь конечно не все, шубы, сапоги и прочее не поместилось, но я обязательно в ближайшее время привезу.

– Спасибо вам, но никакой спешки нет, – поблагодарил ее, едва сдерживаясь, Дмитрий Алексеевич, было видно, что ему не терпится побеседовать с женой и дочерью. – А ну вон отсюда, и чтобы больше не смели человека беспокоить, и ключи сдайте от чужой квартиры, – прошипел он им, толкая в спины. Анька хотела было что-то возразить, но встретившись с отцом взглядом, прикусила язык.

– Спасибо, Ирина Григорьевна, – от души поблагодарил Максим, едва за Анькой с родителями закрылась дверь.

– Да что вы, Максим Сергеевич! – полным сочувствия голосом ответила Ирина Григорьевна. – Если бы я раньше знала, что тут у вас творится, я бы еще не так их встретила, а точнее, проводила. У меня у самой дочь, но все равно скажу, до чего же девки наглые и распутные пошли! Тьфу! А вы не расстраивайтесь. Беда она всегда как катализатор, всех на чистую воду выводит, и плохих и хороших. А вы молодой, красивый, найдете себе другую, получше и красивее.

Максим согласно кивнул. Конечно, найдет. Не из-за Аньки он так расстроился, а из-за предательства. Именно в тот единственный в жизни момент, когда ему понадобилась ее помощь, поддержка... А, да что там говорить! Плюнуть и забыть. Права домработница.

– А что, если нам попить чайку? – прервала его задумчивость Ирина Григорьевна. – Я булочек сегодня утром напекла с корицей, ваших любимых. Пойдем?

– Давайте, – с удовольствием согласился Максим. Уж лучше чаю выпить, чем коньяком наливаться в одиночестве, с горечью рассудил он.

– Знаете, – помешивая ложечкой сахар, осторожно заметила Ирина Григорьевна, – я уже многое пережила в жизни, и хорошего, и плохого, и хочу вам сказать, Максим Сергеевич, что жизнь очень милосердна. И она всегда дарит людям утешение, так или иначе, но оно приходит. Вы, конечно, никогда не забудете родителей и будете скучать по ним, но со временем боль станет не такой острой, а затем перерастет в светлую грусть. А что касается вашей личной жизни, то возможно, ваша жена оказала вам большую услугу. Пока нет детей, расстаться всегда легче. Я уверена, очень скоро все у вас наладится. Вот увидите. У хороших людей всегда все налаживается. Как в сказке. – И она улыбнулась. – Правда-правда. И бабушка ваша в это верила. Она была очень сильной женщиной. Столько интересного про себя рассказывала! Мы ведь часто с ней вместе дома оставались, когда ваши родители на работу уходили. И она частенько предлагала мне чайку попить, а за чаем о себе рассказывала. Удивительная женщина.

– Да, бабушка была удивительной, – согласно вздохнул Максим. Если бы она была жива, ему было бы легче. Она бы его поддержала.

– Да. А завещание ее мы с Ариной Николаевной исполнили. Все книги собрали, и они с Сергеем Борисовичем их отвезли в библиотеку.

– Книги? – удивился Максим. – Какие книги? И куда их мама с папой отвозили?

– Вы не знали? – удивилась Ирина Григорьевна. – Аглая Игоревна завещала часть своих книг, классиков в основном, передать в дар районной библиотеке на Васильевском острове.

– Классиков? В библиотеку? Зачем? И в какую? Она же, насколько я знаю, никогда в библиотеки не ходила, у нее своих книг было много.

– Я тоже, честно говоря, очень удивилась. Да и библиотека на Васильевском острове. Она там и не жила никогда. Да и среди книг, признаться, несколько было очень старых, наверняка дорогих. Я еще удивилась, что Арина Николаевна так легко согласилась их подарить.

– Ну, это как раз понятно. Раз бабушка так хотела... – пожал плечами Максим, а потом добавил: – Спасибо вам. Вы очень меня поддержали. Пока Маша не приехала, мне, собственно, даже и поговорить не с кем о случившемся.

– А друзья как же?

Максим вздохнул.

– Нет. Это не совсем то. – Он покачал головой. – Я не могу никому о случившемся рассказывать. Просто не могу.

Ирина Григорьевна ушла. А Максим снова остался один в пустой квартире. И снова ему стало пронзительно одиноко, а в голову полезли тоскливые горестные мысли, и опять ему захотелось выпить. Перед глазами то и дело вставало жуткое видение – мама и папа с перерубленными шеями. Мама, такая утонченная, ироничная! Сколько себя помнил Максим, она всегда, несмотря на внешнюю строгость, любила посмеяться, и смех у нее был звонкий, девчоночий. Какими веселыми бывали их семейные посиделки! И папа в мамином присутствии всегда отбрасывал свою деловую суровость, становился мягче, проще, моложе. И хотя родители всегда много работали и не нянчились с ним, а может, наоборот, поэтому он очень ценил их общество. А теперь они мертвы, и выясняется, что какой-то маньяк пытал их, а потом убил топором. Не выстрелом, а варварски, дико, топором. Максим вдруг представил, как над ним медленно заносится топор, как опускается лезвие и он понимает, что сейчас настанет конец, мучительный, болезненный, неотвратимый. Он и сам не заметил, как оказался возле бара, а рука его уже тянулась к текиле, коньяк закончился еще вчера.

– Нет. Так можно в алкоголика превратиться, – сказал сам себе Максим. – Сейчас еще десять вечера, надо продержаться хотя бы до двенадцати, а там уже и баиньки. А завтра купить снотворное в аптеке. Наверняка оно мне пригодится. И кстати, – останавливаясь перед зеркалом в спальне, добавил он, – надо перестать разговаривать с самим собой.

Он устроился в гостиной перед телевизором, отыскал какой-то фильм и попытался всмотреться в него.

Как все вдруг рассыпалось в их благополучной безоблачной жизни? Словно сглазил кто. И бабушка перед смертью все о каких-то напастях говорила. Ну, с бабушкой вообще все ясно, она сама себя залечила. Легла зачем-то в больницу, хотя самочувствие было хорошее, и еще и приговаривала, что не хочет, чтобы у них неприятности из-за нее случились. Завещание какое-то оставила, распоряжения особые.

И тут Максим впервые задумался об обстоятельствах бабушкиной смерти. Когда она умерла, он был занят на работе, в больнице ее не навещал, так, позванивал, поболтать минутки три, задать дежурный вопрос о самочувствии, не особо вслушиваясь в ответы. Он не ожидал, что бабушки внезапно не станет. А когда она умерла, был очень удивлен, расстроен такой скоростной кончиной, но все же не настолько, чтобы слишком много думать о случившемся. Бабушка была старенькой, все бабушки рано или поздно умирают. Вот мама – та да. Очень переживала, плакала и все время говорила, что этого не должно было случиться, что надо провести расследование, наверняка ее неправильно лечили, сделали не тот укол. Папа ее утешал, но по части расследования не поддерживал, и уж тем более таким планам противился персонал больницы. Старушка умерла, и делу конец.

А теперь выясняется, что бабуля какие-то книги библиотеке завещала. Да еще и на Васильевском острове. Почему там? Бабушка всю жизнь прожила в центре города. Родители жили на Петроградской стороне, он тоже. Странно это все. Да и еще, судя по рассказам Ирины Григорьевны, бабушка подарила среди прочего какие-то ценные старинные книги.

У нее была богатая библиотека, и некоторые книги принадлежали семье еще с начала девятнадцатого века, а может, и раньше. Зачем же она завещала их какой-то районной библиотеке? Как странно.

А ведь этот противный холеный майор спрашивал Максима о странностях.

И, пожалуй, бабушкина смерть и ее завещание можно было отнести к этим самым странностям. Если бы бабушка пребывала в старческом маразме или была склонна к эксцентричным поступкам, тогда бы это завещание удивления не вызвало. Но бабушка до самой смерти пребывала в здравом уме и твердой памяти и склонностью к причудам не отличалась. А следовательно, в ее поступке был смысл. Какой?

Максим убрал звук у телевизора и попытался припомнить подробности своих последних разговоров с бабушкой и маминых комментариев случившегося.

Почему он прежде был так равнодушен к собственной семье? Вот все, что ему говорила Анька, он всегда выслушивал внимательно, какую бы ерунду она ему ни рассказывала. Чего бы ни просила, к просьбам жены он всегда был неизменно внимателен. А когда бабушка просила его заехать к ней в больницу, потому что у нее плохие предчувствия, он почему-то отмахнулся, сказав, что она себя накручивает и что они еще на ее свадьбе погуляют. Погуляли.

А ведь действительно, бабушка все время намекала, что из больницы ей не выйти. Максим отмахивался, считая эти разговоры обычным желанием пожилого человека привлечь к себе побольше внимания. Но ведь бабушка никогда не изводила их пустыми капризами и вообще не была склонна к излишней сентиментальности. Бабушка Аглая Игоревна была человеком суровым и сдержанным, она пережила блокаду, сталинские репрессии и перестройку, и область предчувствий, интуиции, предположений и сомнений ей была чужда.

Максим все больше начинал тревожиться.

«Наверное, я просто себя накручиваю, но все же с бабушкиной смертью что-то было не так. Нет, эксгумировать тело я, разумеется, не буду, но хоть поговорить с врачами я обязан», – решил он. И хорошо бы расспросить Ирину Григорьевну, что мама думала о смерти бабушки. Разумеется, она не стала бы обсуждать подобные проблемы с прислугой, но вдруг Ирина Григорьевна что-нибудь да слышала?..

Глава 6

Апрель 1918 г. Тобольск

– Константин Иванович, вы понимаете, какому риску вы подвергаете себя, принимая на хранение этот сверток? Я, разумеется, даю вам слово офицера, что о вашем участии в этом деле не узнает ни одна живая душа, и все же я обязан вас предупредить.

Полковник Кобылинский пытливо всмотрелся в лицо своего собеседника. С Константином Ивановичем Печекосом он был знаком с самого прибытия в Тобольск, и Константин Иванович и его брат Александр Иванович неоднократно помогали царственным изгнанникам чем могли, посылали продукты, книги, поддерживали их свиту. И вот теперь, после отъезда Их Величеств в Екатеринбург, именно к нему обратился Евгений Степанович с просьбой укрыть часть ценностей царской семьи, оставлять их у Клавдии Михайловны дольше он не желал. Держать их у себя было опасно, слишком уж близок он был к узникам, слишком раздражал комиссаров и солдат Отряда Особого назначения. Приходилось искать надежных людей, передавать на хранение до тех пор, пока не кончится эта большевистская вакханалия.

– Не беспокойтесь, Евгений Степанович, мы завтра же со своим пароходом вывезем их в Омск, – успокоил полковника известный на всю Сибирь пароходовладелец, купец и честнейший человек с безупречной репутацией Константин Иванович Печекос. – Место, где все будет укрыто, я сообщу вам, как договаривались, пришлю с сообщением надежного человека.

Константин Иванович без всяких усилий поднял тяжелый чемодан и, пожав на прощание полковнику руку, отбыл.

Это дело сделано, за эту часть ценностей можно было не волноваться. Да и игуменья скорее умрет, нежели выдаст. Отец Алексей был не так надежен, слишком уж очевидна его связь с семьей, надо будет подыскать подходящее место для сокрытия доверенных ему ценностей, озабоченно размышлял Евгений Степанович, меряя шагами комнату.

– Извините, Евгений Степанович, ушел ваш гость? – заглянула в комнату Клавдия Михайловна.

– Ах, простите меня ради бога. Задумался, – улыбнулся хозяйке полковник. – Да. Все в порядке. Хотя бы часть груза мне удалось снять с ваших хрупких плеч.

– Не беспокойтесь, я рада быть полезной Их Величествам, особенно теперь, в суровую годину испытаний. А еще этот несуразный переезд свиты из дома Корнилова, – накрывая на стол, вздыхала Клавдия Михайловна. – Сегодня целый день переносили вещи, расставляли мебель. Теснота ужасная. Как они, бедные, там теперь поместятся? Настенька Гендрикова была вынуждена уволить свою горничную. Да и какие теперь горничные, места едва хватает, чтобы свиту разместить. Евгений Степанович, как вы думаете, для чего это понадобилось собрать всех в одном доме? Прежде хотя бы фрейлинам и князю Долгорукому разрешалось свободно выходить в город и посещать Губернаторский дом, а теперь и их под арест посадили. За что? Почему?

– Не знаю, – мрачно покачал головой полковник Кобылинский. – Это решение комиссара Яковлева. Мне теперь никто ничего не объясняет, и знаю я не больше вашего, Клавдия Михайловна.

– Но ведь большевики не собираются... Ведь семье не грозит... – Клавдия Михайловна несколько раз начинала и никак не могла закончить своего вопроса.

– Нет-нет, что вы, – поспешил заверить ее полковник. – Ничего подобного. Просто это еще одна попытка унижить, оскорбить. Проявление их классовой нетерпимости.

Трудно было сказать, успокоили его слова Клавдию Михайловну или нет, поверила она им? Сам Евгений Степанович не верил.

13 (26) апреля 1918 г. Тобольск

Предрассветная тьма окутывала возки, на которые в спешке, кое-как грузили багаж. Княжны с бледными, встревоженными лицами наблюдали за погрузкой, императрица, собранная, осунувшаяся, давала последние наставления Татьяне. Доктор Боткин, напоследок осмотрев захворавшего наследника, простился с ним и, прихватив саквояж, поспешил вниз по лестнице.

Бывшего самодержца, Александру Федоровну и Великую Княжну Марию увозили в Москву. Ольга, Татьяна, Анастасия с доктором Деревенько оставались до выздоровления Алексея, у которого после случайного падения и вследствие гемофилии отказали ноги.

Все было погружено, отъезжающие полностью одеты, теперь последние слова и объятия, и пора в путь.

– Прощайте, Евгений Степанович, – обняв полковника, проговорил Николай дрожащим от волнения голосом. – Берегите наследника и девочек. Я очень рассчитываю на вас. – И добавил едва слышимым шепотом: – Не забудьте моего поручения. Если с нами что-то случится, передайте все любому из членов семьи.

Ответить толком Евгений Степанович не успел, вошел комиссар Яковлев, и он лишь кивнул Государю.

Исчез за воротами последний возок, в доме наступила печальная тишина.

– Петр Андреевич, – подошел к гувернеру наследника полковник, – мне нужно с вами переговорить, дело крайне важное.

Пьер Жильяр, Петр Андреевич, как называли его в семье, был преданным Государю человеком. И вместе с полковником, дворецким Чемодуровым и писарем Его Величества Кирпичниковым помогал выносить из дома ценности, составлял описи, искал доверенных людей. Теперь, после отъезда Государя и свиты, из посвященных они остались вдвоем.

– Слушаю вас, Евгений Степанович, – подошел к нему Жильяр, привычно поправляя пышные усы.

– Государь с государыней отбыли и вряд ли вернутся. Как только наследник выздоровеет, увезут и его. Что дальше ожидает семью, остается только гадать, да и наша с вами судьба весьма туманна.

– К чему вы клоните, Евгений Степанович?

– Сейчас о местах хранения сокровищ известно ограниченному кругу лиц. Сами хранители знают лишь о порученной им части сокровищ. Вся картина полностью известна вам, мне и Государю, – очень обстоятельно объяснял свою мысль Евгений Степанович. – Учитывая зыбкость нашего положения, не будет ли надежнее доверить тайну сокровищ лицу, полностью преданному Императорской семье и долгу и не подвергающемуся опасности. А возможно, и нескольким лицам. Кругу посвященных. Возможно, разделить между ними сведения о хранении царских сокровищ. И лучше, если лица эти будут находиться как можно дальше от Тобольска. Что вы об этом думаете?

– Что ж, в этом есть смысл. Как вы справедливо заметили, наше с вами будущее крайне зыбко, нельзя поставить порученное нам дело в зависимость от нашей жизни или смерти. Давайте найдем хранителя тайны. Человека, которому мы сможем доверять. Человека, преданного Их Величествам. У вас есть такой на примете? – вскинул взгляд на полковника Жильяр.

– До Февральской революции и назначения в марте семнадцатого года комендантом Александровского дворца и до высылки из Царского Села Августейшей Фамилии я был простым боевым офицером, поэтому мало знаком с окружением Их Величеств. Так что я полностью полагаюсь на ваш выбор и ваше мнение.

– В таком случае я должен подумать. К тому же надо решить, как передать доверенному лицу сведения. Мне это представляется делом рискованным, – задумчиво проговорил Жильяр.

– Согласен. Но тянуть с этим вопросом не стоит.

Они пожали друг другу руки, словно заключив договор, и полковник, кивнув на прощание Жильяру, поспешил покинуть комнаты семьи.

Но ничего они предпринять не успели. Самочувствие Алексея Николаевича улучшилось, и его вместе с сестрами решили переправить в Екатеринбург. С ними отправился и Жильяр. Отряд Особого назначения был расформирован за ненадобностью, часть солдат отправили сопровождать Великих Княжон и наследника в Екатеринбург, остальных передали в распоряжение Совета. Полковник Кобылинский был освобожден от занимаемой должности, в Екатеринбург его не взяли.

Все, что успели они сделать с Петром Андреевичем Жильяром, это составить список возможных доверенных лиц в Петрограде, которым можно было доверить тайну царских сокровищ. Но тайну того, где он укрывал Малую корону Ее Величества, Евгений Степанович никому доверить не решился, даже Клавдии Михайловне, с которой вскорости обвенчался.

О случившейся в Екатеринбурге трагедии Евгений Степанович и Клавдия Михайловна узнали только после занятия Тобольска частями Колчака и начала следствия по делу об убийстве царской семьи.

Тогда же довелось им встретиться и с Пьером Жильяром, который чудом избежал расстрела в Екатеринбурге. Его по прибытии в город отделили от Великих Княжон, и ему, как и няне Александре Теглевой, и баронессе Буксгевден, и учителю английского языка мистеру Гиббсу, пришлось уехать в Тюмень. Но и это не спасло бы их от неминуемой расправы, если бы не наступление белых частей. Выжил и дворецкий Чемодуров, забытый комиссарами в тюремной больнице, сбежал по дороге на расстрел и чудом выжил камердинер Государя Волков.

Разыгравшаяся в Ипатьевском доме трагедия произвела ужасное впечатление на всех тех, кто волею судьбы уцелел, не попал в жернова революции. И теперь, встретившись в Омске, они с горечью и грустью вспоминали павших жертвами красного террора фрейлину Анастасию Гендрикову, камер-лектрису Шнейдер, генерала-адъютанта Татищева, князя Василия Долгорукого, которые до последней минуты оставались верными своему Государю. Всех их без суда и следствия расстреляли глухой ночью, выведя за город на ассенизационные поля. Расстреляли в упор и сбросили в ямы. Расстреляли и как предателей революции матросов с яхты «Штандарт» Ивана Седнева и Климентия Нагорнова, до последнего верно служивших своему Государю.

– Евгений Степанович, а что же теперь делать нам с вами? – дождавшись удобной минуты и отведя в сторону полковника Кобылинского, спросил Жильяр. – Как быть с порученным делом?

– Государь еще в Тобольске распорядился в случае несчастья с семьей передать все ценности Ее Величеству вдовствующей императрице Марии Федоровне или любому члену семьи Романовых, кому это будет возможно, – едва слышно ответил Евгений Степанович.

– Но боюсь, даже с приходом к власти Верховного главнокомандующего мы не сможем этого выполнить. Проезд через всю Россию на юг с таким грузом немыслим, – в ужасе покачал головой Петр Андреевич.

– Согласен. Я думаю, в данный момент нет никакой необходимости рисковать ценностями. Пусть они хранятся, когда сложится подходящая ситуация, мы их переправим адресатам. А кстати, каковы ваши дальнейшие планы, Петр Андреевич?

– Пока что останемся в Омске, подождем, когда смута завершится. А далее постараемся вернуться в Петербург. Госпожа Теглева и мистер Гиббс придерживаются тех же планов.

– Что ж, я тоже полагаю остаться на Урале. А следовательно, срочной надобности что-либо предпринимать по нашему делу нет.

Прошло еще несколько тревожных лет, и вот уже покатилась назад белая волна, теснимая красным половодьем. Назад к берегам Тихого океана, к границам России, она слабела, таяла, испарялась. И вместе с этой волной покидали Россию люди, не видевшие себя в новой жизни, не понимавшие и боявшиеся ее. Покинул Россию мистер Гиббс, отправился в долгий путь Пьер Жильяр, прихватив с собой Александру Теглеву и следователя по особо важным делам Соколова с семьей, того самого, что вел дело об убийстве царской семьи. Долгим круглым путем отправились они в Швейцарию через Харбин и Америку.

А вот полковник Кобылинский остался. Дорого ему обоилось нежелание расстаться с Родиной. Пришлось ему посидеть в концлагерях, даже рождения сына своего не увидел. Пришлось Клавдии Михайловне одной, без него выживать. Но Бог милостив. Не хватало в Красной Армии грамотных кадров, и призвали его в числе прочих офицеров царской армии, кто согласился с новой властью сотрудничать, в армию. Но не в действующую армию, поскольку здоровье Евгения Степановича после старой контузии, ранений и лагерей сильно пошатнулось, а в канцелярию, делопроизводителем. Что ж, и на том спасибо. Кусок хлеба хоть какой, а обеспечен. У семьи крыша над головой. А вскоре его за усердную работу даже повысили до старшего делопроизводителя, и даже до казначея Пятой армии, правда, долго его в армии терпеть не стали, и уже в тысяча девятьсот двадцать первом году отправили в отставку с такими же, как он, бывшими офицерами-белогвардейцами. Отправили на жительство в маленький уездный городишко на Волге, в Рыбинск, поставили на учет в ГПУ. И потекла новая жизнь. Тихая, провинциальная. Подрастал сын Иннокентий. Евгений Степанович устроился на работу статистиком в губернское статистическое бюро. Клавдия Михайловна преподавала иностранные языки на рабфаке, давала частные уроки.

Надежды на возрождение монархии и прежней жизни безвозвратно умерли. О царской семье, расстрелянной в подвале Ипатьевского дома, вслух никогда не вспоминали, и временами казалось, что и вовсе ничего этого с ними не было.

Жили как скромные советские служащие, ходили на работу, на Первомайские демонстрации, в кино, читали книги, слушали политинформацию. Не высовывались. А в двадцать шестом году Евгения Степановича сняли с учета в ГПУ.

И все было бы хорошо, но тяготила Евгения Степановича мысль о невыполненном поручении. Хранились на Урале доверенные ему сокровища царской семьи. Не передал он их по назначению. Не сумел. Потому как всех попавших на Урал Романовых большевики зверски истребили, а переправить ценности сперва на юг, а потом за границу уцелевшим членам семьи Евгений Степанович не смог. Так и лежат они в тайниках и сховах, и что с ними будет, если он – главный хранитель – умрет, или ГПУ вдруг начнет охоту за бывшими офицерами царской армии? И вспоминались полковнику их с Пьером Жильяром планы передать тайну на хранение доверенным людям и список, ими составленный, который полковник наизусть выучил, потому как хранить подобные бумаги при новом строе было смерти подобно. Не дай бог найдут, тут же обвинят в контрреволюционной деятельности или шпионом объявят, и все, к стенке.

И вот с такими тяжелыми мыслями жил и работал статистик Кобылинский до самого двадцать шестого года, а едва сняли его с учета в ГПУ, засобиравшись в Ленинград.

У Клавдии Михайловны, когда она узнала о его планах, только глаза расширились от испуга и руки задрожали, но отговаривать мужа она не стала и вопросов лишних задавать тоже. Только в дорогу помогла собраться.

А задача перед Евгением Степановичем стояла непростая. Ведь в списке Жильяра помимо имен и фамилий были указаны еще и адреса доверенных лиц, разумеется, дореволюционные. Живы ли эти люди? Где теперь их отыскать? А может, самый вопрос об их судьбе будет грозить ему арестом и расстрелом? Всю дорогу до Ленинграда размышлял полковник, как ему лучше за поиски взяться, и ничего толкового не выдумал.

Глава 7

7 июня 2018 г. Санкт-Петербург

На этот раз Полина не спешила домой. Она выполнила все мамины поручения. Зашла в аптеку, съездила к метро за черешней, потому что там дешевле, зашла в «Мясную лавку» за говядиной, потому что там мясо всегда свежее и пахнет натуральным мясом, не то что в гипермаркетах, потом в «Магнит» за сыром, там была акция, и только после отправилась домой.

– Полина, что так долго? Я уже волноваться начала, – попеняла ей мама, забирая покупки. – Иди скорее ужинать, картошка в одеяле, наверное, совсем остыла.

Полина не стала напоминать маме, что именно она надавала ей кучу заданий и что Полина просто физически не могла бы прийти домой раньше.

– Ну, что у вас на работе нового? – спросила за ужином мама.

– Ничего. Все как всегда, – пожала плечами Полина.

– Ты ничего мне никогда не рассказываешь, – тут же обиделась мама. – Я сижу сутками, одна в четырех стенах, мне даже поговорить не с кем, а ты приходишь домой – и «ничего».

Полина закатила глаза. Благо мама ее видеть не могла. Подобные сцены случались раз в неделю и проходили по одинаковому сценарию. Мама скучала и время от времени неосознанно, Полина, во всяком случае, надеялась, что неосознанно, пыталась разнообразить свою скучную жизнь полными драматизма и надрыва скандалами. Начинались они всегда примерно одинаково. Первое время Полина принимала происходящее близко к сердцу, потом привыкла и уже не расстраивалась по пустякам, хотя происходящее ее порядком утомило.

– Мама, у нас был обычный рабочий день. Читателей почти не было, только три пенсионерки, брали любовные романы в мягких обложках, два школьника приходили за программными произведениями, им не хватило в школьной библиотеке. Вот и все. Два раза пили чай. Антонина Ивановна ходила в обед за покупками, потом ходила Инна Яковлевна. Ах, да. Инна Яковлевна довязала правый носок, приступила к левому.

– Прости меня, Полина. Я знаю, я тебя извела своими разговорами, тебе со мной скучно. Но ты могла бы встретиться с подругами, сходить в театр, в кино. Ты молодая, зрячая, весь мир у твоих ног. Я тебя ни в чем не ограничиваю. – На этом месте мама привычно всхлипнула. – Я так всем надоела!

– Не говори ерунды, – одернула ее Полина. – Тебя все любят, у тебя куча друзей, они постоянно тебя навещают, приглашают в гости.

– Ну да. Раз в месяц навещают. А куда я могу поехать? Да и зачем я им? Со мной столько хлопот. То тарелку мимо стола поставлю, то вилку уроню. И тебе приходится со мной ездить. А тебе ведь это неинтересно. Тебе хочется общаться со сверстниками.

– Не говори ерунды. Мне это не сложно, – стараясь держать себе в руках, возразила Полина. – И только позавчера к тебе заезжала тетя Люда.

– Ну да. Заскочила на полчаса.

– Но ведь заскочила. У тебя есть телефон. Ты можешь выходить на улицу, сидеть в парке, тебя учили. Ты можешь ездить в общество слепых, у них часто бывают лекции, концерты, много интересных занятий.

– Сама? Одна? – Теперь в голосе мамы отчетливо слышались слезы. – Свалиться под поезд в метро? Или попасть под машину? Ты же не возишь меня туда, а я бы хотела. Мне так одиноко! – И мама заплакала.

– Мам, я бы с радостью тебя возила, но я работаю. Мы же не можем жить на одну пенсию.

– Я даже в театр теперь не могу пойти.

– Можешь, и я тебя сто раз звала и даже билеты брала.

– Но тебе же с подружками интересней. Что я буду тебе вечер портить, – не сдавалась мама.

– Мам, ну почему портить? Я же спектакль иду в театр смотреть. С тобой он мне так же интересен, как и с подружками. К тому же у них мужья есть, чтобы в театры ходить.

– Ну вот, видишь, это из-за меня ты замуж не можешь выйти. Я всем мешаю. Я никому не нужна.

Полина смотрела на мать и боролась с желанием всыпать ей как следует, как капризному, избалованному ребенку. Да, она, Полина, действительно во многом из-за матери не может устроить свою жизнь. Почти не видится с подружками, никуда не ходит, потому что мама очень капризничает и всего боится. Боится ходить в театры и на концерты, боится оставаться одна дома. Уговаривает Полину встретиться с подружками, но стоит назначить встречу, как маме в этот день вдруг становится плохо, и Полине приходится встречу отменить, ведь мама сама даже неотложку вызвать не способна, хотя спокойно может набрать номер телефона любой из подруг. А если к Полине заходит в гости Ксюша или Настя, она не дает им спокойно пообщаться, занимая бесконечной беседой о своих проблемах и болячках. Так девчонки в последнее время стараются заходить к ней на работу. Ну и кто во всем этом виноват?

Даже мамины подруги стали от нее уставать. Пока они еще терпят ее причуды, но надолго их, вероятно, не хватит, и тогда Полина жизнь превратится в ад.

– Что ты молчишь? Я права, да? Права?

– Нет, конечно, – твердо заверила Полина и принялась утешать маму как маленькую. Все-таки что ни говори, а это ее мама. Она ее вырастила, воспитала, можно сказать, одна. Да. Можно сказать, потому что папы почти никогда с ними не было.

Полина долго не вспоминала отца. Наверное, до тех пор, пока мама не ослепла. Это было эгоистично и несправедливо. Ведь папа был хорошим и очень ее любил, и не его вина, что сперва мама, а потом и Полина его предали, разлюбили и... выгнали. Да, Полина до сих пор помнит, как в один прекрасный день папа, вернувшись с гастролей, – он был музыкантом в небольшом малоизвестном оркестре, – нашел у входной двери чемодан с вещами, которые мама заранее собрала и выставила за дверь.

– Все, с меня хватит, – категорично заявила она. – Это не жизнь, и это не семья. Можешь отправляться к своим любовницам.

– К каким? – с укоризной спросил отец.

– К любим. Которых у тебя в каждом городе страны по три штуки, – безапелляционно заявила мама и захлопнула дверь.

Полине тогда было тринадцать, а маме тридцать шесть, и возможно, она надеялась, что еще достаточно молода, чтобы устроить свою жизнь, создать такую семью, какая ей виделась в мечтах. Увы, мамины мечты не оправдались, и хотя она никогда эту тему с Полиной не обсуждала, сама Полина часто задавала себе вопрос, не жалеет ли мама о том, что сделала?

Сама Полина о разводе родителей не жалела. Во всяком случае, до последнего времени. Молодость эгоистична. Ее больше волновали собственные проблемы и собственная будущая счастливая жизнь, в которой она ни в коем случае не повторит ошибки родителей. Она и не повторила. Наделала своих. И счастливой жизни у нее тоже не сложилось. Она была безнадежной, сдавшейся неудачницей. Еще худшей, чем ее родители. Эта мысль, так незаметно прокрадываясь в Полину голову, хоть и была не нова, но как-то вдруг очень четко и ясно оформившись, неожиданно заставила Полину испытать такую тоску и боль, что вместо того чтобы утешать маму, она вдруг сама разревелась навзрыд и вся в слезах убежала к себе. И даже заперлась на задвижку, чего обычно никогда не делала. Сквозь надрывный рев она слышала, как мама что-то говорит из-за двери, умоляет ее открыть, грозит вызвать полицию или «Скорую», но Полине было все равно. Напряжение, разочарование и горечь последних лет вдруг выплеснулись из нее единым бурным потоком. Успокоилась она часа через два. Мама к тому

времени махнула на нее рукой и ушла к себе. Наверняка надулась. Ну и пусть, зло решила Полина. Наплевать. Это прозвучало непривычно зло и жестоко. Но такой уж сегодня у Полины выдался день. Високосный. Она полежала немного, глядя в потолок.

Ощущение было такое, словно ее переехал поезд. Полная выпотрошенность, физическая и эмоциональная. Это все недосып, сообразила Полина. Надо поспать, и все будет в порядке, решила она, но сон как назло не шел. Она вертелась с боку на бок, пока не заметила на шкафу старинный фолиант, засунутый туда накануне ночью.

Надо отвлечься, подумала Полина, доставая со шкафа книгу, и тотчас же вспомнила о загадочном конверте. Здорово, вот она и отвлечется от собственных горестей!

Лучше всего Полина владела французским, его она учила в гимназии с первого класса, потом в университете. Английский знала хуже. Немецкий не знала вовсе. Ну что ж. Начнем с французского.

Charles Baudelaire «Les Fleurs du mal» Paris 1868; 8; 5, 12, 13. 13;1. 14;4.

И что это значило? Просто книга Бодлера и любимые стихи автора? Скорее всего.

Вот, кстати, и Теннисон – «Sir Galahad» и еще в память о чем-то, «In Memoriam A. H. N., CVI». А следом снова какие-то цифры. И стоило такую муру заклеивать в конверт и прятать в книге?

Полина не была большой любительницей поэзии Теннисона да и Бодлера когда-то читала, но желания перечитать их вновь у нее не возникло. Лучше уж она почитает записки «искушенной» блондинки. Она засунула записку между страниц и, открыв книгу наугад, погрузилась в чтение.

«...выпарить кошачью мочу, – советовала книга, Полина усмехнулась, – добавить настойку чистотела, свежих сливок, мед, соловьиный помет, – еще лучше, – лунной росы, все перетереть и нанести сие снадобье на лицо. Прodelьвать не реже пяти раз в месяц, следя за луной, и вечная молодость станет залогом вашей красоты».

«Сомневаюсь», – подумала Полина. Настроение ее улучшилось. Она прочла еще парочку столь же экзотических рецептов, пока они ей не наскучили, затем перелистала еще несколько страниц, пока не дошла до советов по обольщению любовника на первом свидании. Тут Полине пришлось зардеться после первых же строчек.

«...облачение выбери легкое, как дымка тумана поутру, но не показывай ему своих прелестей, тонкие изгибы и округлости твои должны манить, зажигать, а не кормить досыта, разожги воображение, действительность скучна, мечты вдохновляют. Прикасайся легко, нежно, грудь твоя после касания нальется желанием, сосцы станут острыми, устремившись к нему навстречу. Помоги ему скинуть одежду, ускользай, лаская, касайся его смело, но глаза твои должны быть стыдливы и кротки, а взгляды коротки и смущены...»

Ничего слишком уж откровенного в книге не было, да и картинка, на которой облаченная в легкую алую кисею блондинка прижималась к статному любовнику, тоже была весьма скромна. В той же рекламе духов или мыла по телевизору увидишь больше, но отчего-то прочитанные строки рождали в Полине неведомые ей прежде чувства и мысли. Признаться откровенно, весьма похотливые.

– Тьфу, какая гадость! – отбросив в сторону книгу, воскликнула Полина, устыдившись самой себя. – Веду себя как пятнадцатилетняя дурочка.

Она вскочила с кровати, встряхнулась и отправилась на кухню мыть посуду. А в голове ее все вертелись картинки того, что вытворяет сейчас со своим любовником «искушенная блондинка». Да ничего она не вытворяет, одернула себя Полина. Она давно уже умерла. Разложилась в своей могиле, и даже прах ее истлел!

– Полина! Как хорошо, что вы пришли! – кинулась ей навстречу Антонина Ивановна. – Нас обокрали! Я уже полицию вызвала. И Инны Яковлевны как назло нет.

– А что украли? Книги с абонементов? Приходил кто-то прямо с утра? – пыталась сообщить, что именно могли у них украсть, Полина.

– Да нет. Что вы. Взломали замки, отключили сигнализацию! Я на работу пришла, дверь в библиотеку чуть прикрыта, на абонементе все вверх дном перевернуто, и в хранилище, и в моем кабинете, чашки наши разбили, блюда!.. – В голосе Антонины Ивановны слышались истерические нотки. – Даже мой сейф вскрыли!

Вот уж тут глаза у Полины от удивления на лоб полезли.

– А что ж вы там хранили? У нас разве деньги в библиотеке есть?

– Да что вы, какие деньги? – перестав всхлипывать, устала на нее Антонина Ивановна. – Печать там моя, ну, документы, должностная инструкция, устав, положения и так далее, туфли мои лаковые, – краснея, добавила она, – ну вот, в общем-то, и все.

– И что украли?

– Из сейфа ничего, но в кабинете все перевернуто, все шкафы выпотрошены, бумаги разбросаны, в подсобке тоже. Я даже не понимаю, что пропало? – плаксиво пожаловалась Антонина Ивановна. – И Инны Яковлевны нет! Полина, может, вы посмотрите?

– Ну конечно. Я сейчас же обойду всю библиотеку, – пообещала Полина и, бросив в подсобке сумку, сняв плащ – июнь в этом году выдался на редкость сырой и холодный, – приступила к тщательному осмотру библиотеки. Но понять, что могло пропасть, окинув взглядом горы сброшенных с полок книг, было совершенно невозможно. Нужно все разобрать, свериться с каталогом... В общем, работы не на один день. Она хотела было начать расставлять книги по местам, но потом спохватилась, что полиция наверняка пожелает все осмотреть и снять отпечатки, и не стала ничего трогать. Витрины с экспозицией, посвященной очередной памятной дате, разбиты не были, в хранилище, где Антонина Ивановна держала наиболее ценные и востребованные по прежним временам книги, типа американских детективов и иллюстрированных изданий, и прочего дефицита, все было перевернуто, так же как и на абонементе.

Что же искали эти горе-грабители в библиотеке? Деньги? Смешно. Книги! Книги, подаренные их библиотеке! «Царствующий дом Романовых»! Вот она, настоящая ценность! Полина заметалась по библиотеке.

– Антонина Ивановна! Книги пропали, подаренные старушкой, забыла фамилию! – спешила к заведующей Полина. – «Царствующий дом Романовых» пропал! И остального тоже не нашла!

– Ох, Полина, напугали, – увидев ее, выдохнула побледневшая было Антонина Ивановна. – Не волнуйтесь, не кричите. Все в порядке. Не пропали. «Царствующий дом» я вчера почтить домой взяла, – чуть краснея, объяснила Антонина Ивановна. – Не удержалась. Да и мужу хотелось показать. Современные издания Инна Яковлевна по моей просьбе на абонемент выставила, а прочие старые книги я вчера в сейф убрать не смогла, места не было, надо было полки разбирать, а я торопилась, вот и сунула их на полку к старым журналам, да так удачно, что воришки их, очевидно, и не заметили, – радуясь как ребенок, сообщила Антонина Ивановна. – Это, конечно, плохо, и так с ценными изданиями обращаться нельзя, но я очень торопилась, – ведя Полину к стеллажам, объясняла заведующая, – места там мало, ну я и распихала их кое-как на нижних полках. Сверху их и вовсе не видно! Оказалось, к счастью, – прослезилась Антонина Ивановна.

Полина с облегчением выдохнула. Главные ценности библиотеки уцелели. Ну, тогда вообще непонятно, зачем вор к ним залез. Разве что это был не вор, а просто хулиган.

Так же посчитали и прибывшие вскорости полицейские. Равнодушно осмотрев учиненный в библиотеке разгром, они вяло покивали головами, неохотно составили протокол и решили звонить, если пропажи все-таки обнаружатся.

– Поразительное равнодушие! – проводив полицейских, заметила Инна Яковлевна. – В застойные времена порча государственной собственности считалось тяжелым преступлением. А разгром библиотеки имел бы еще и политическую окраску! – горячилась она.

Инна Яковлевна всегда голосовала за коммунистов и очень не одобряла новые постперестроечные порядки, постоянно ностальгируя по старым добрым временам, когда ребенка было не страшно одного в школу отпустить и медицинское обслуживание было для всех бесплатным и качественным.

Библиотеку пришлось закрыть, объявив три санитарных дня подряд, и доложить руководству о случившемся.

Как стало ясно вечером в пятницу, ничего из библиотеки не пропало. И скорее всего полиция была права. По мере заполнения полок и проверки картотеки Антонина Ивановна, Инна Яковлевна и Полина с облегчением поняли, что их драгоценные книги целы и даже не очень пострадали. Они пили чай, разбирали завалы, обсуждали цены, современное образование и медицину, рутина жизни снова потянула Полину на самое дно прозябания.

– Станислав Дмитриевич, да этот Фофанов что хочешь подпишет, особенно если ему пузырь водки перед носом поставить, – горячился Денис Рюмин. За окном на город опускались дождливые сумерки, все нормальные люди уже сидели перед телевизором, лопали котлеты с макаронами, и только два старших лейтенанта, изнуренные беготней по городу, и их доблестный начальник сидели за рабочим столом, скрипя отупевшими к концу рабочего дня мозгами. – Ну чего ради мы как проклятые с утра до поздней ночи носом город роем? Ведь ни одной стоящей версии нет!

– Ради правды, – сухо ответил майор Авдеев и посмотрел на Дениса холодным пристальным взглядом. – От вас, Денис, я подобного заявления не ожидал.

В этой короткой фразе прозвучало столько искреннего глубочайшего разочарования, что Денис Рюмин покраснел до самых корней волос, ощутил себя наипрезреннейшим среди всех оперов их славного города, недостойным просто находиться в стенах Следственного комитета, не то что служить в них.

– Простите, Станислав Дмитриевич, – выдавил из себя полный сожаления и раскаяния лейтенант. – Это я от усталости, не всерьез. Честное слово.

Майор посмотрел на лейтенанта долгим изучающим взглядом и, лишь убедившись в искренности сказанного, подвел черту:

– Хорошо. Теперь по делу. Что у нас есть?

– Ничего, – еле слышно буркнул Денис. Майор может сколько угодно испепелять его взглядом, а факт остается фактом.

– Неужели вы, господа оперативники, за два дня работы не разыскали ни одного свидетеля? – скептически глядя на своих подчиненных, уточнил майор.

– Нет, – сокрушенно покачал головой Никита Грязнов.

– Соседи Павла Барышникова полночи стучали по батарее, чтобы они с дружкой орать перестали. Те то ругались, то песни горланили, а соседям с утра на работу.

– А что же они не поднялись к дебоширам и не призвали их к порядку или в крайнем случае не вызвали полицию? – здраво поинтересовался майор.

– Подняться боялись. Этажом ниже две женщины живут, мать и дочь, они с пьяными бугаями связываться не захотели. А насчет полиции я не спросил, – краснея, признался Денис.

– А вам не пришло в голову, Денис, что орать могли не дебоширы, а телевизор или DVD, и что вопли эти были заранее записаны на воспроизводящее устройство?

– Нет, – честно ответил Денис и покраснел еще гуще. Сопляк он, а не опер. Так проколется!

– Значит, алиби Барышникова по-прежнему остается под вопросом, – сухо заключил майор.

Дело об убийстве супругов Пановых неожиданно повисло на отделе мертвым грузом. Такое в практике майора Авдеева случилось впервые. Ни одного свидетеля. Ни одного подозреваемого. Ну, разве что Барышников, и то под большим вопросом. И ни одной толковой версии.

Впрочем, он сам виноват. Последние сутки он по милости начальства должен был разбираться с Супониным, который, уходя в отпуск, решил хвост нераскрытых дел, по которым еще палец о палец не ударил, свалить на коллег. Майор такой хитроумной предприимчивости не одобрял, а потому жестко поставил вопрос перед начальством: или Супонин доводит дела до конца, или майор Авдеев подает в отставку. Коллеги его молча поддержали, выдвигать подобные ультиматумы начальству имел смелость только майор Авдеев. А что ему терять? Если отставку и подпишут, так его любая адвокатская контора города с распростертыми объятиями возьмет и еще и в ножки поклонится.

Так что выбор для начальства был очевиден, но времени на выяснение отношений заняло немало. А теперь вот выясняется, что пока майор воспитывал капитана Супонина, доблестные лейтенанты почти что завалили дело Пановых.

– Так. – Майор снова раскрыл материалы дела. – Как убийцы попали в квартиру, выяснили?

– Нет. Эксперты говорят, следов взлома не обнаружено. Посторонних отпечатков пальцев на дверях тоже нет.

– Вижу. Сегодня я снова беседовал с Максимом Пановым. С его слов выходит, что в последнее время никаких неприятностей в семье не было. Значит, стоит проработать версии заказного убийства. Заодно выясните, какими проектами в последнее время, скажем, в течение полугода, занималась на телевидении Арина Панова. Не было ли у нее конфликтов с кем-то из героев передач. Телевидением займется Грязнов. А вам, Денис, я поручаю разработку окружения Панова. Барышников по-прежнему за вами. Далее. Надо выяснить вот какой момент. У кого кроме хозяев были комплекты ключей от квартиры Пановых. Я сомневаюсь, чтобы супруги были так легкомысленны, что впустили в квартиру собственных убийц.

– Почему? Может, это были их знакомые? – пожал плечами Денис Рюмин.

– Разумеется, мы будем рассматривать все варианты, но мне что-то плохо верится, что кто-либо из знакомых Пановых способен сперва пытаться, затем изнасиловать хозяйку дома и зарубить обоих супругов топором. Если бы их убили простым выстрелом, другое дело. Но топор? Нет. Эта версия мне кажется маловероятной, – покачал головой майор. – Также я сомневаюсь, чтобы супруги сами впустили в квартиру убийц. Опять-таки исходя из предположения, что они не были с ними знакомы. Согласитесь, они не похожи на легкомысленных идиотов, которые на ночь глядя открывают двери малознакомым людям. А потому проверьте, у кого имеются ключи от квартиры Пановых. У домработницы они определенно есть. А заодно выясните, не терял ли кто из них свой комплект ключей в последнее время. Это касается и самих убитых.

– Ясно, – делая пометки в блокноте, кивнул Никита Грязнов.

И откуда только у майора берутся все эти идеи? Ведь еще двадцать минут назад, пока они с Денисом его ждали, они сидели и рассуждали о том, что следствие зашло в тупик. Никаких версий нет. Из подозреваемых – один алкаш. И нет ни ниточек, ни зацепок. И вот появляется майор, три минуты слушает их жалкое, полное безнадежной тоски мычание и закидывает их вполне здоровыми, перспективными с точки зрения следствия заданиями. Только успевай поворачиваться. И ведь что удивительно: и майор, и Никита, и Денис Рюмин изучали одни и те же материалы по делу, но при этом у них с Рюминым полный мозговой паралич, а у майора

куча идей. В чем секрет? В том, что они дураки, а он умный? Обидно как-то. Наверное, все дело в опыте, утешил себя Никита.

Когда лейтенанты были отправлены на задания, Станислав Дмитриевич смог наконец-то по-настоящему приступить к обдумыванию дела.

Что было в этом деле самым удивительным? Способ и орудие убийства. Топор. Для сельской местности такой выбор был бы естественным. Топор имеется в каждом дворе. Но вот в городе... Неизвестно, откуда он взялся, и нести его неудобно, большой. Заметный. Нет, конечно, купить его и в городе не проблема, но вот зачем? Специально для убийства? Убийца хорошо владеет топором? То, что к убийству готовились, было абсолютно ясно. Полиэтилен, скотч, все принесли с собой, знали, что пригодится. Почему «принесли»? Никаких свидетельств того, что убийц было несколько, сыщики не обнаружили, но по косвенным признакам Станислав Дмитриевич понял, что их было не меньше двух.

Итак. Убийцы принесли с собой полиэтилен и топор. Значит, у них с собой была большая сумка, и их было как минимум двое. И этих двоих никто в подъезде и во дворе не видел, почему?

А может, они пришли заранее, часа за два, и прятались на чердаке? А в квартиру вошли у хозяев на плечах? Возможно, но маловероятно. Точнее, маловероятен такой способ проникновения в квартиру. А вот чердак надо осмотреть. К тому же проверить, не явились ли они в подъезд через чердак.

Мысль майору понравилась, и он сделал для себя пометку.

Далее. Кто и зачем убил Пановых? Это заказ? Непохоже. Пановых достаточно было просто застрелить. В лихие девяностые, возможно, кто-то и попытался бы с помощью паяльника выбить из состоятельного семейства тайну, где они хранят накопления. Но ныне, когда все нормальные люди хранят сбережения в банках, а особо состоятельные и сообразительные в зарубежных банках, подобные «наезды» бессмысленны. И хакера нанять для выяснения номеров счетов гораздо полезнее, чем отморозка с топором.

Значит, это самодеятельность. Кто-то не очень далекий, продвинутый и утонченный охотится за материальными ценностями, скажем так, за «сокровищем», которое не хранится на банковском счете.

Интересно. Когда Максим Панов сказал майору о том, что в их семье нет ценностей, что все они были проедены в блокаду, майор ему поверил. А возможно, чтобы Максим Панов не знал о семейных тайнах, о сокровище?

Маловероятно. Но теоретически возможно. А что, если владение этим «сокровищем» связано с какой-то постыдной для семьи историей? В этом случае Пановы-старшие могли до поры до времени и не посвящать сына в суть вопроса. Они были еще молоды, полны сил и умирать не собирались.

Н-да. А убийцы ребята наглые и по-своему неглупые. Топорик подкинуть спящему в кустах алкашу сообразили, не побоялись. И топорик, кстати говоря, не из новых. Старый топорик, сообразил Станислав Дмитриевич. Его не в магазине покупали. А следовательно, можно предположить, что как минимум один из убийц проживает за городом! Пока момент не существенный, но в дальнейшем этот факт при вычислении убийцы может стать решающим.

Станислав Дмитриевич с удовольствием крутанулся в кресле и, отметив, что на улице снова полил мелкий, тоскливый дождик, коими их так баловало нынешнее лето, вернулся к своим размышлениям.

– Итак. А что итак? – подстегнул мыслительный процесс майор, и мысль зашевелилась.

Максим Панов говорил, что его прапрабабка была фрейлиной. Надо бы покопаться в родословной семейства Пановых, возможно, у них имеются обиженные родственники, которые, в отличие от Максима, о сокровище знают и очень в нем нуждаются. И в стремлении

добыть его готовы на крайние меры. Версия была несколько притянута за уши, но вполне жизнеспособна.

Итак. Подведем итоги. Первая версия. Заказ. Кому-то помешал Сергей Борисович Панов. Убийство обставили мудрено, чтобы сбить следствие со следа. Слабовато, но проверить стоит. Далее, месть какого-то психа Арине Пановой. Задела его чувства или честь в своей передаче. Это вероятнее, учитывая способ убийства. Третья версия: сокровище. Исключительно высосанная из пальца, но наиболее логично ложающаяся в картину преступления. Четвертая версия, также ничем не подтвержденная: месть любовника или любовницы, опять-таки человека психически нездорового. И пятая – водитель Павел Барышников, тут возможны и месть, и заказ, и ограбление, и сокровище. Пока что, пожалуй, все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.